Увидеть солнце

Автор:
Сергей Москвин

Увидеть солнце

Сергей Львович Москвин

МетроВселенная «Метро 2033»

В Новосибирске 2033 года каждый шаг за кордоны родной станции метро может обернуться рискованным приключением и даже смертью. Любой его житель вынужден превратиться в героя, чтобы сражаться или умереть. Именно такой выбор стоит перед юным Сергеем Касариным, когда ужасный призрак прошлого вырывается на свободу, грозя уничтожить не только привычный ему мир, но и все живое на планете. Кажется, что враг неуязвим и надежды нет. И все же у человечества остался один-единственный шанс еще раз увидеть солнце…

Сергей Москвин

Метро 2033: Увидеть солнце

Возвращение сказки

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

К какому жанру литературы отнести книги «Вселенной Метро 2033»? Вроде бы это фантастика – но такая антинаучная, что все ревнители классической фантастики непременно возмущаются, когда читают эти романы. Правильно и официально жанр называется «постъядер»: описание постъядерного – то есть

послеатомного апокалипсиса – мира.

Почему же у этого крохотного ответвления фантастики или фэнтези – столько читателей? Я задал этот вопрос себе и тут же понял, что знаю ответ. Секрет в том, что романы «Вселенной Метро 2033» на самом деле – новые сказки.

Нет ничего зазорного и постыдного ни в том, чтобы читать сказки, ни в том, чтобы их писать. Сказка – первая литература, с которой мы сталкиваемся в своей жизни, – сначала слушая ее, потом – читая самостоятельно.

Сказки превращают наш скучный мир в волшебный, раздвигают его границы и размывают грани реальности. Они позволяют каждому мальчику и мужчине ощутить себя настоящим героем, спасителем, рыцарем в сияющем доспехе, а каждой девочке и каждой женщине – на время погружения в книгу превратиться в прекрасную принцессу – желанную и недоступную. Когда мы вырастаем, верить в сказки становится как-то глупо, вроде как не по положению, а читать их – неудобно. И только когда мы начинаем читать сказки вслух уже собственным детям, мы открываем их для себя заново. Верить в детские сказки мы уже не можем, и это мешает погружению в них. Но желание заново пережить хотя бы немножко то, что мы когда-то испытывали, слушая сказку на ночь, остается с нами на всю жизнь.

Так вот. Романы серии «Вселенная Метро 2033» – настоящие сказки, только для взрослых. Одно допущение: случилась ядерная война, радиация породила чудовищ, а мир снова стал диким и неисследованным. И все: мы готовы в это поверить снова.

Вселенная Метро – это вроде бы наш, узнаваемый мир. Наши города – Москва, Петербург, Ростов, Киев, а теперь – в романе Сергея Москвина «Увидеть солнце» – еще и Новосибирск. Но это мир, измененный мрачным волшебством. Населенный чудищами, полный опасностей, непригодный для обитания.

В этом мире нельзя путешествовать автостопом и летать в Турцию в отпуск. Каждый шаг за ограду своей деревни или за кордоны родной станции метро может обернуться рискованным приключением и даже смертью. В этом мире каждый из нас вынужден превратиться в героя, чтобы сражаться или умереть. И, в отличие от нашей тихой жизни, в нем все чувства всегда накалены до предела. Получается, что именно там, в сказке, во Вселенной Метро, жизнь –

настоящая, а наша обыденная жизнь в сравнении с ней – скучна и сера.

Сергей Москвин в своем эпосе «Увидеть солнце» рассказывает нам именно такую сказку – мрачную, страшную, взрослую. Читаешь ее запоем, верить не хочется – а веришь. И быстро забываешь, что это – сказка.

Потому что случись что – так все и будет.

Дмитрий Глуховский

Увидеть солнце

Уходит день, и солнца луч

горит в глазах твоих.

Оно свой трудный, длинный путь

прошло для нас двоих.

И этим днем, весенним днем,

когда кругом весна,

моя любовь, моя мечта,

уходит от меня.

Прости, прости, за все прости,

за горечь всех обид.

Пускай уходишь первой ты,

мне сердце говорит.

House of The Rising Sun

(Гимн уходящему солнцу)

Пролог

Пепельно-серое небо в черных росчерках сажи равнодушно взирало с высоты на руины разрушенного города, выжженного пламенем атомного пожара. Всего каких-то два десятилетия назад – ничтожный срок по историческим и геологическим меркам – и небо, и город под ним были совсем другими. В городе бурлила жизнь. Каждый день на его улицы выходили толпы людей, а на дорогах выстраивались бесконечные вереницы автомобилей. Парки, школьные дворы, парковочные и детские площадки, тротуары и уличные переходы наполнялись многоголосым гулом. А внизу, под землей, яркие нарядные вагоны стремительных метропоездов разносили десятки тысяч пассажиров в разные части города по линиям метро. По ночам, особенно ближе к рассвету, жизнь в городе затихала, но никогда, ни на одно мгновение не останавливалась совсем. Дневные толпы спешащих на работу и возвращающихся домой людей сменяли шумные, зачастую подвыпившие компании. Темноту расцвечивали яркие неоновые вывески ночных клубов и работающих до утра баров, кафе и ресторанов, многометровые плазменные рекламные панно. А над этим переплетением артерий жизни простиралось бескрайнее небо: черное ночью, золотисто-розовое на рассвете, багрово-алое на закате и бледно– или ярко-голубое ясным солнечным днем. Порой небо затягивалось молочно-белыми облаками, а иногда лиловыми тучами, из которых в зависимости от времени года на город проливался дождь или валил густой с тяжелыми рыхлыми хлопьями снег.

Но в один день все изменилось. Город, вмещающий более полутора миллионов жителей, исчез с лица земли, как сотни и тысячи других городков и мегаполисов по всему миру. В одно мгновение населяющие их люди превратились в пар, в развеянный огненным вихрем радиоактивный пепел. Лишь немногие сумели спастись, укрывшись от испепеляющего жара бушевавших на поверхности ядерных взрывов в подземных казематах. В самом крупном городе Сибири, в долине реки Обь, спаслись лишь несколько тысяч человек. Они пережили катастрофу в городском метро. Первые дни, месяцы и даже годы они еще продолжали надеяться, что мир когда-нибудь снова станет таким, как прежде, – таким, каким они его знали. Но выбирающиеся на поверхность смельчаки – те

немногие, которым посчастливилось вернуться назад, рассказывали только о хмуром неприветливом небе, потерявшем извечную свою голубизну, и о мрачных развалинах города, заселенных кошмарными чудовищами. Уходили годы, а вместе с ними и питающая людей надежда.

Для переживших катастрофу жителей Новосибирска их новым миром стало метро. Они превратили бывшие станции в города-крепости и дали им новые названия, которые подходили для теперешней жестокой жизни. Но за два десятилетия, минувшие с момента катастрофы, люди так и не смогли вернуть привычный уклад жизни. Будущего не было; оставалось думать о прошлом. И жители Новосиба жили утраченным, бесконечно вспоминая потерянный мир и исчезнувших навсегда близких.

Одних это приводило в отчаяние, у других пробуждало тоску, у третьих – неукротимую жажду мести.

Вынырнувший из подземного перехода старик был из числа последних.

Старик тяжело закашлялся и, оттянув нижний край резиновой маски своего изношенного противогаза, выплюнул под ноги вязкий сгусток крови. За последний месяц он уже три раза выбирался на поверхность. Схваченная им в прошлый раз доза радиации почти наверняка была смертельной, но старика это не пугало. Он не собирался возвращаться назад. Он боялся только одного – умереть прежде, чем успеет выполнить задуманное.

Сейчас старик понимал: он плохо подготовился к своей финальной экспедиции. Не позаботился о запасном фильтре для противогаза, решив, что пробежать этот последний квартал можно и со старым. Однако за тот час, что он просидел в переходе, дожидаясь заката, изношенный фильтр забился настолько, что каждый новый вдох давался с трудом. Старик даже не был уверен, какой воздух больше отравлен радиоактивными частицами: тот, что он вдыхает через фильтр, или тот, что снаружи, но снять и выбросить противогаз все-таки не решился. Ошибся он и в выборе времени, чересчур рано покинув метро: на поверхности было еще слишком светло и нельзя было сделать ни шага без риска оказаться сожранным одним из чудовищ, обшаривающих городские развалины в поисках пищи. Впрочем, такой риск существовал всегда, а с наступлением темноты на смену дневным хищникам приходили ночные – еще более ужасные.

Выбравшись из перехода на пустынную улицу, старик воровато огляделся. Со, наконец, село, и тьма начала сгущаться, подкрадываясь со всех сторон. Старик встряхнул свой фонарь – за этот фонарь он отдал последние оставшиеся у него патроны, но не рискнул его зажечь. Свет привлекает ночных монстров, поэтому даже опытные и хорошо вооруженные сталкеры стараются по возможности не пользоваться фонарями. Что уж говорить про дряхлого пятидесятипятилетнего доцента, который большую часть своей жизни провел за столом с микроскопом и лабораторными пробирками.

Прокравшись к разрушенному зданию, от которого, по дьявольской иронии, осталась только фасадная стена, старик трусцой побежал вперед, но, не сделав и десятка шагов, остановился и снова закашлялся. Нет, с забитым фильтром о беге не стоит и думать. А ведь до Катастрофы он считал, что находится в отличной физической форме. Хотя чему удивляться? Тогда ему было всего чуть за тридцать. Он совсем недавно получил доцента, став самым молодым обладателем этого звания в лаборатории. А потом все рухнуло. Хотя по сравнению с неизмеримым горем тех, кто в одночасье потерял всех своих близких, ему, как бы ужасно это ни звучало, повезло: жена и десятилетняя дочь выжили. В тот день, когда на город обрушились пробившиеся через противоракетную оборону ядерные боеголовки, они, как и еще несколько тысяч горожан, укрылись в метро. Они спаслись, чтобы погибнуть месяц назад.

Это произошло тогда, когда он, старый дурак, решил, что все, наконец, устроилось и отныне у них все будет хорошо, насколько это может быть у людей, живущих под землей в бетонных пещерах и уже более двадцати лет не выбиравшихся на поверхность. Накануне он получил у руководства Сибирского Союза – содружества четырех станций Дзержинской и Ленинской линий, вид на жительство с пропиской на Сибирской для всей семьи: жены, дочери и шестилетнего, долгожданного, внука. Сибирская в силу своего главенствующего положения в Союзе была богатой и обеспеченной станцией, по праву считаясь самым спокойным и безопасным местом в метро. Помимо электричества, поставляемого с Проспекта и Маршальской, как вскоре после Катастрофы сами жители стали называть станции Красный Проспект и Маршала Покрышкина, где были установлены гидрогенераторы, питающиеся от грунтовых вод, жители Сибирской могли позволить себе лучшие продукты и лучшую одежду. Жить здесь считали за счастье, но вида на жительства удостаивались немногие – руководство Союза крайне настороженно относилось к иммигрантам.

Тем не менее старик получил его, причем не только для себя, но и для трех членов своей семьи. Взамен он продал руководству Союза свои знания – и их было достаточно, чтобы потребовать вида на жительство даже для пяти человек, но муж его дочери, отец его внука, погиб четыре года назад, когда мальчику не было еще и двух лет.

Дочь тогда от горя места себе не находила. Старик тоже попереживал, но не слишком сильно – зять никогда не нравился ему. В прежнем мире его горделивая дочь даже и не взглянула бы на такого. Но Катастрофа загнала под землю, перемешала меж собою и склеила таких разных людей, которые раньше и не встретились бы друг с другом. И вот дочь его влюбилась в этого непутевого типа, и ребеночка от него прижила.

Мальчишка родился на удивление здоровым и крепеньким. Старик души не чаял в своем внуке. До его рождения он и не подозревал, что еще способен радоваться и улыбаться. Увидев кроху, первый раз взяв его на руки и прижав к груди, старик поклялся, что сделает все возможное и невозможное, но добьется для своих близких лучшей жизни, какая только возможна в метро.

На это ушло шесть долгих лет, шесть лет упорного труда в научном центре Союза. Но работа стоила того. Теперь в его кармане лежали паспорта четырех новых граждан Сибирской, младшему из которых еще не было и семи.

Оставалось последнее и самое опасное – добраться с семьей до заветной станции. Из-за обрушения туннеля небольшой отрезок пути (совсем короткий, меньше одного квартала) лежал на поверхности. Можно было подождать, когда специальные бригады расчистят туннель, но никто не знал, сколько на это уйдет времени: несколько дней, неделя или месяц, и жена с дочерью решили рискнуть. Они предложили, а он согласился. Пройти нужно было всего ничего. Даже шестилетний ребенок своими маленькими шажками преодолел бы это расстояние за несколько минут, а уж взрослый – тем более.

Все закончилось гораздо раньше.

Едва они поднялись на поверхность, как их атаковали гарпии – гигантские крылатые твари, ужас всех выбирающихся из метро. Чудища появились внезапно. Едва дочь заметила в небе три почти неразличимые на фоне серых облаков движущиеся точки, как те стремительно спикировали вниз,

превратившись в жутких чудовищ с загнутыми, как восточные кинжалы, и такими же длинными когтями и еще более ужасными оскаленными пастями. Не прошло и секунды, как твари уже взмыли ввысь на своих огромных кожистых крыльях, унося в когтях захваченную добычу – трех самых дорогих старику людей.

Детский противогаз, который он раздобыл для внука, все равно оказался велик для шестилетнего ребенка и, когда гарпия сгребла мальчика своими лапами, слетел с головы мальчишки. Холодный воздух городских развалин прорезал пронзительный детский крик. Потом этот крик будил старика каждую ночь, выдергивая его из забытья, где он раз за разом переживал гибель своей семьи. Он бежал за гарпиями, пока не упал без сил на усеянную колотым булыжником мостовую, но чудовища так и не вернулись за ним. Им вполне хватило пойманной добычи. Худой, запыхавшийся от бега и раздавленный горем старик был им просто не нужен. Он никому не был нужен.

Старик не помнил, как вернулся в метро, как не помнил первые дни после трагедии. Целую неделю он пребывал в какой-то странной одури, пока у него не появилась цель. Последняя цель в его несправедливо затянувшейся жизни. Почти месяц ушел на подготовку, и вот сейчас до цели осталось менее одного квартала.

Старик миновал развалины жилого дома, настороженно озираясь и лавируя между перегораживающими проезжую часть остовами мертвых автомобилей, наискось пересек улицу и вскарабкался на кучу щебня, но, оказавшись на вершине, застыл на месте, пораженный увиденным. Перед ним простиралась выжженная равнина, в которую превратилась центральная площадь города, и в центре этой равнины возвышалось гнездо ненавистных чудовищ, которое те устроили в руинах оперного театра, считавшегося до Катастрофы главным символом и визитной карточкой Новосибирска.

От некогда красивейшего здания с величественной колоннадой, увенчанного легким, словно парящим в воздухе, куполом остался лишь выщербленный железобетонный каркас. Поддерживающие портик монументальные колонны не выдержали удара взрывной волны, а уникальный шестидесятиметровый купол треснул и обвалился.

Сейчас руины цирка напоминали пробитый и обглоданный человеческий череп.

Наверное, именно так в воображении художников и поэтов должно было выглядеть обиталище тварей, порожденных адовой бездной. Однако к происхождению настоящих гарпий сатана не имел никакого отношения. Крылатых чудовищ, равно как и всех других монстров, заполнивших развалины и подземелья Новосибирска, породили сами люди. Последняя развязанная ими мировая война, перепахавшая континенты ядерными взрывами, чудовищная радиация и поднятые в воздух тонны сажи и пепла обезобразили облик планеты. И этот обезображенный мир породил таких же безобразных обитателей, для которых люди стали всего лишь добычей. Но загнанная в угол, лишенная всего, что ей было дорого, жертва еще способна дать хищникам последний смертельный бой. И этой ночью гарпии, а вместе с ними и все остальные живущие в окрестностях монстры убедятся в этом.

Неловко перебирая ногами по осыпающимся камням, старик слез с кучи щебня и заспешил вперед. Забитый пылью фильтр хрипел, как прохудившиеся меха изношенного аккордеона, хотя, может быть, это хрипел сам его владелец. «Ничего, – успокоил он сам себя, – осталось всего ничего: пересечь площадь, и я на месте. Лишь бы какая-нибудь тварь не сцапала по пути…»

В другое время план старика заведомо был обречен на неудачу. Но краткий промежуток времени после заката, даже не часы, а минуты, давал надежду. Опытные сталкеры рассказывали (а прежде чем решиться на свой отчаянный бросок к гнезду гарпий, старик выслушал немало таких рассказов), что закат – это то время, когда утолившие голод дневные хищники возвращаются в свои норы, а ночные еще только собираются на охоту. Похоже, сталкеры были правы – он так и не встретил на пути ни одного монстра. Или это гарпии подъели вокруг своего гнезда всех прочих тварей? Тем хуже для них.

Старик еще помнил другую площадь перед театром: цветные афиши, свет огней, толпы зрителей у входа и ровные ряды оставленных на парковке автомобилей. Сейчас перед его взором предстали лишь ржавые скелеты разбитых и перевернутых машин, заляпанные лепешками помета обитающих по соседству крылатых тварей.

Поскользнувшись на одной из таких смердящих лепешек, старик не удержался на ногах и упал, разорвав о косо висящую дверь соседнего автомобиля свой прорезиненный плащ. Прежде такая неприятность его бы сильно расстроила, но сейчас не имела никакого значения. Старик снова поднялся на ноги, поправил на спине сползший на бок рюкзак и упрямо зашагал вперед, к развалинам театра,

за многие годы превращенным обитающими внутри гарпиями в мрачную бесформенную громаду.

Вот она – его конечная цель, финиш рискованного маршрута и финал заканчивающейся жизни. Все пространство перед театром оказалось усеяно бетонными глыбами – надо полагать, обломками портальных колонн, уничтоженных ударом взрывной волны двадцать лет назад. Старик равнодушно взглянул на это нагромождение камня. Перебраться через него или обойти не было никакой возможности – не стоило и пытаться. Но в этом и не было необходимости. Остановившись перед завалом, старик снял с плеч рюкзак и поставил его перед собой, потом стянул с головы противогаз и, широко размахнувшись, с наслаждением отшвырнул его прочь. Стылый воздух ворвался в легкие, обжигая внутренности могильным холодом. Но старик был рад уже тому, что может свободно сделать вдох. Долго дышать он все равно не собирался. Тем не менее, следовало спешить.

Старик расчехлил рюкзак, открыв находящуюся там запечатанную стеклянную колбу. Этот резервуар только на вид казался хрупким, а в действительности мог выдержать удар кувалдой или выпущенную в упор автоматную очередь. Именно поэтому он и сохранил законсервированное внутри содержимое.

Старик поднял глаза к обвалившемуся куполу театра, откуда одна за другой взлетали крылатые твари – гарпии все-таки заметили его! – и принялся торопливо отвинчивать тяжелую крышку из толстого бронированного стекла. Наконец та отделилась от колбы, и старик с облегчением столкнул ее на землю. Внутри шевельнулся, словно почувствовав свободу, мохнатый черный клубок. Заметивший это движение старик судорожно сглотнул и, чтобы не видеть того, что находилось внутри распечатанной колбы, снова поднял глаза к небу. Там кружило уже не менее десятка крылатых чудовищ. А сколько еще находится в гнезде?!

– Всех до единого, – с ненавистью пробормотал старик и, стиснув зубы, просунул руку в отверстие колбы.

В тот же миг его лицо исказила гримаса боли. Еще через секунду старик закричал и выдернул руку из колбы. Но теперь это была уже не та рука, что еще секунду назад. Пальцы и кисть до запястного сустава покрывала подвижная масса, состоящая из множества переплетающихся черных волокон. Эти волокна стремительно росли, все выше и выше поднимаясь по руке человека.

Не переставая кричать, он отчаянно замахал рукой, но черную массу это остановить не могло. За считаные секунды паутина переплетающихся нитей добралась до его плеч, опутала голову и шею, накрыла лицо. Рвущийся из горла отчаянный крик вмиг оборвался. Старик зашатался на подгибающихся ногах, из последних сил взмахнул руками, превратившимися в толстые шевелящиеся паутинные коконы, и рухнул на усеянную каменными обломками растрескавшуюся землю. Через минуту его тело напоминало один рыхлый ком густой черной шерсти. А в темнеющем грязно-сером небе продолжали кружить гарпии, не решающиеся спуститься к странной добыче.

Часть 1

Власть тьмы

Глава 1

Беречь и защищать

Удар! Еще удар!

Широкий штык, выточенный из автомобильной рессоры умельцами-сибиряками и закрепленный на цевье «отбойника» – шестизарядного дробовика кустарного производства, глубоко вонзился в туловище зубатого. При каждом ударе вспоротое штыком тело клыкастого чудовища должно было брызнуть кровью, но этого не произошло, потому что зубатый был убит в туннеле еще вчера, и сейчас его подвешенная на растяжках туша выполняла роль чучела для отработки штыковой и прочих приемов ближнего боя с туннельными тварями. Под восторженные возгласы зрителей, большинство которых составляла местная детвора, жилистый светловолосый парень резким движением выдернул штык из тела монстра, перепрыгнул через завал из железнодорожных шпал с вбитыми между ними штырями заточенной арматуры, ловко уклонился от целящего в него деревянного шеста и, вскинув к плечу «отбойник», направил его на вынырнувшую из темноты голову упыря, насаженную на раскачивающуюся

длинную пику.

Бах!!!

Раскатистый грохот выстрела заглушил заливистые крики мальчишек, и снесенная снопом картечи мишень сорвалась вниз и покатилась по дну туннеля. Парень облегченно перевел дух и, повернувшись к плотному широкоплечему мужчине в армейском камуфляже, молча наблюдавшему за ним с секундомером в руке, гордо доложил:

– Товарищ полковник, стажер Касарин упражнение закончил.

– Вольно, стажер, – разрешил тот. – Уложился в норматив. Но уходы и нырки надо выполнять мягко и плавно, в одно движение, а ты и то, и другое делаешь резко. Зачет я тебе ставлю, но нужно еще тренироваться.

Довольное выражение на лице паренька сменилось разочарованием.

– Есть еще тренироваться, – через силу выдавил он из себя и, подойдя к краю перрона, тяжело вскарабкался на станционную платформу. После прохождения полосы препятствий натруженные ноги дрожали, и он с трудом удержал равновесие.

Это или что-то другое не понравилось внимательно наблюдающему за ним полковнику, и он сказал:

– Сергей, подойди ко мне.

Парень медленно повернулся – только сейчас усталость по-настоящему дала о себе знать – и, осторожно ступая, подошел к начальнику.

– Товарищ полковник… – начал он, но мужчина остановил его. – Я хочу поговорить с тобой не как командир, а как отец. Ты чем недоволен?

– Знаешь, что?! – резко вскинул голову Сергей. – Когда другие попадают в мишень со второго выстрела – их можно хвалить, да? А многие и после второго мажут, но ты ничего, найдешь доброе слово и для косых. Только не…

– Сейчас речь не о них, а о тебе! – Полковник Касарин тоже завелся. – Считаешь, я не прав? Думаешь, сумеешь одолеть в рукопашной любого гада? Да зубатый только лапой махнет, и нет тебя. Или упырь артерию на шее прокусит. Заклинит оружие или закончатся патроны, и ничего ты против них со своими корявыми финтами не сделаешь.

Сергей насупился и хмуро уставился в пол.

– Что молчишь? – спросил отец.

– Думаю.

– Вот это правильно. – Полковник смягчился. – Это полезно. Мать не зря говорила…

– Полезно?!! – вспыхнул Сергей. Последние слова отца резанули по нервам, по незаживающей ране в его душе. – Ты знаешь, как полезно! Как лучше! Не твоя бы железная логика, не твоя гребаная ответственность – она бы была жива! Жива, понимаешь?!

Горло перехватил спазм. Сергей больше не мог продолжать этот разговор. Он резко развернулся и прямо через толпу прыснувшей в разные стороны детворы зашагал прочь.

С того дня прошло уже восемь лет, но Сережа не смирился с гибелью матери, как не забыл и свой последний разговор с ней в момент прощания, когда она уходила с группой сталкеров на поверхность.

Он помнил все: каждое произнесенное ею слово, ее улыбку и обещание вернуться до наступления темноты. Она так и не вернулась. И никто из ее группы. Отец уже тогда возглавлял службу безопасности, и Сережа, весь в слезах, умолял его помочь матери. Отец остался непреклонен. Спасательную экспедицию организовали лишь на рассвете, когда все на станции, даже двенадцатилетний Сергей, понимали, что спасать уже некого. Спасатели вернулись быстро. Оказалось, что погибшие сталкеры не дошли всего трехсот метров до входа в метро, когда их настигла стая наземных чудовищ. Мужчины до последнего защищали начальника медслужбы, но матери это не помогло.

Сергей не смог даже проститься с нею. Отец, который руководил поисками пропавших, возвратившись на станцию, только помотал головой. Кто-то из дружков потом сообщил Сергею, что от материного тела почти ничего не осталось.

Сергей сам не заметил, как оказался возле гермозатвора, через который сталкеры выходили на поверхность и откуда его мать восемь лет назад ушла в свою последнюю разведку. Как и тогда, сейчас здесь тоже собрались люди. Сергей заметил в толпе несколько прорезиненных комбинезонов – значит, сталкеры, отправившиеся на рассвете в город, уже вернулись и, судя по светлым лицам встречающих, вернулись без потерь.

Оставалось только порадоваться за них, но Сергею почему-то было не весело. Секачу – командиру сталкерской группы, похоже, тоже.

– …А эта черная туча так и висит, – услышал Сергей его последние слова.

– На западе? – спросил кто-то из толпы.

Секач нахмурился и, как показалось Сергею, неуверенно кивнул.

– На западе… Но, вроде бы, к нам сместилась.

Черную тучу заметили еще неделю назад. На нее никто бы не обратил внимания, но в тот день ярко светило со, и туча густой жирной кляксой выделялась на фоне бледно-серого неба. Через несколько дней сталкеры снова отправились на вылазку и с удивлением обнаружили, что черная туча в западной части неба никуда не исчезла – наоборот, расширилась настолько, что накрыла полгорода. А теперь Секач обнаружил, что она еще и сдвинулась на восток, к Роще.

– А это, часом, не дым? – предположил одноногий Кузьмич.

Секач хмуро уставился на Кузьмича:

– Какой еще дым?! Откуда?!

Под грозным взглядом командира сталкеров инвалид растерялся, даже втянул голову в плечи.

– Ну, не знаю, – прошамкал он, сам понимая уже, что сморозил глупость. – Может, там горит что-то.

– Все, что могло гореть, сгорело давно, – отмахнулся Секач.

Сергей собирался еще послушать вернувшихся с вылазки сталкеров. Он давно просил Секача взять его к себе группу, но тот всякий раз под разными предлогами – как правило, надуманными, отказывал. Сергей подозревал, что и тут не обошлось без его отца. Мало кто в Роще отваживался пойти против мнения начальника службы безопасности. Поэтому вместо того, чтобы самому исследовать руины мертвого города, парню приходилось довольствоваться рассказами других. Но на сей раз даже это не удалось.

Кто-то с силой хлопнул его по правому плечу. Но когда Сергей обернулся, там никого не оказалось. Зато слева раздался насмешливый голос Дрона:

– Не спи – замерзнешь!

Дрон был уже без шеста, которым пытался достать Сергея на полосе препятствий, и как всегда широко улыбался.

– Ты офигел?! – воскликнул Сергей. – Больно же!

Но приятеля было не так-то просто смутить.

– Вот по хребту шестом огрести – да, больно, – усмехнулся он. – А это так, салочки.

– Иди вон Секача осаль, – показал Дрону кулан Серега. – И посмотрим… Да и на полосе, между прочим, за малым не достал. Я уж думал все, сейчас расколотишь мне башку, и хана.

– Ничего, – довольно оскалился Дрон. – Тяжело в учении, легко в бою. Ладно, че ты, как этот-то? Пошли, снимем напряжение. Ты вроде говорил, у вас есть чем.

Дрон был старше Сереги на два года. Он родился на поверхности, а не в метро, как Сережа и его сверстники, и еще застал мир до Катастрофы, пусть ничего и не помнил из того времени. При рождении родители назвали его Андреем, но он сам переделал прежнее имя в короткое и звучное Дрон. В силу его старшинства и большей опытности Сергей безоговорочно признавал за Дроном лидерство, вот и сейчас не решился отказать, хотя пить и не хотелось.

– Пошли, – вяло ответил он. – У отца еще пол-литра браги осталось. Только давай по чуть-чуть, чтобы не захмелеть.

– Ну, с пол-литра и захочешь, не захмелеешь, – хмыкнул Дрон и, подтолкнув Сергея плечом, добавил: – Давай, топай уже.

Тут он был прав. За исключением доставляемого сталкерами с поверхности спиртного, которого с каждым годом становилось все меньше, в метро с алкоголем обстояло небогато. Выбор был такой: самогон разной крепости и степени очистки, да силосная брага – нынешний суррогат вин, пива, ликеров и всех прочих существовавших до Катастрофы слабоалкогольных напитков. И то и другое производилось на станциях, где имелись плантации зелени, и Роща, благодаря постоянному электрическому освещению, относилась к их числу.

Электричество жители Рощи получали с соседней Маршальской. Разумеется, не просто так, а за то, что сдерживали мутантов, прущих из восточных туннелей. Самим «маршалам» недосуг было этим заниматься: в их обслуживании находились несколько собранных вручную турбин, приводимых в действие потоками грунтовых вод. Чтобы подвести воду к турбинам, людям пришлось проложить целую систему труб, которые, как и сами турбины, требовали постоянного ремонта, и жителям Маршальской просто некогда было отвлекаться ни на что другое. У них даже не было постоянной боевой дружины. Вместо этого все взрослые мужчины примерно раз в неделю ходили в караул, патрулируя станцию и прилегающие туннели с установленными там турбинами. По словам отца, это были не бойцы, а мастеровые, лишь изредка берущие в руки оружие. Понятно, что при таком положении жители Маршальской не могли самостоятельно сдерживать атаки монстров, которых в необитаемых туннелях восточнее Рощи развелось великое множество. Поэтому они поступили разумно, заключив военно-экономический союз с соседями, переложив на них защиту своих восточных рубежей, за что щедро снабжали союзников вырабатываемой у себя на станции электроэнергией. Остальное электричество, за исключением

того, что тратилось на собственные нужды, маршалы поставляли Сибирской, взамен получая от руководства Союза необходимое оборудование, инструменты, оружие, снаряжение и, конечно, патроны, выполняющие в метро помимо своего основного назначения роль универсальной валюты. Такое положение всех устраивало. Во всяком случае, Сергей не раз слышал от отца, что без получаемого с Маршальской электричества им у себя в Роще пришлось бы туго.

* * *

Возле своей палатки Сергей столкнулся с Лидой.

– Привет… – зарделся он, но тут же встрял Дрон:

– Здорово, Лидка! Одна скучаешь? Заваливай к нам!

– У меня смена на ферме…

– Петрушку поливать? – усмехнулся Дрон. – Забей! Давай лучше посидим, выпьем по маленькой. Серж угощает. А до фермы мы тебя потом проводим.

Он шагнул к девушке и приобнял ее за плечи, но Лида высвободилась.

– Не могу, – ответила она, потом подняла голову и, глядя в глаза Сергею, добавила: – Может быть, в другой раз.

Серега моргнул, пытаясь проглотить ком в разом пересохшем горле.

Все равно ничего не выйдет: Лиде всего шестнадцать, а на всех четырех станциях Сибирского Союза браки разрешались строго с восемнадцати. Правда, Дрон и не оформляя отношений успешно переспал с дюжиной женщин, да и у Сергея пару раз случались приключения. Но все их партнерши были взрослыми женщинами, и им было гораздо больше восемнадцати. Или Дрон готов был и рискнуть? Серега кинул на него подозрительный взгляд.

Дрон отогнул полог палатки и, втолкнув его внутрь, сказал:

– Ну, чего мнешься на пороге, как девочка? Давай, наливай, раз предлагал.

Сегодня Дрон был какой-то не такой. Грубее обычного. Вроде улыбается, а глаза злые. Касарин уже жалел, что уступил, но не выгонять же теперь, в самом деле. Он открыл деревянный оружейный ящик, где отец хранил спиртное. Рядом с пол-литровой бутылкой браги там стояла бутыль самогона, и Дрон ее сразу заметил.

– О! Да у тебя и спиртяшка есть! – довольно воскликнул он и, опередив Сергея, выхватил бутыль из ящика.

Потом снял с фанерной этажерки две железные кружки и уже собирался разлить по ним спирт, но Сергей прикрыл свою кружку ладонью.

– Не, я лучше бражку.

Он не был большим любителем спиртного – и сейчас-то согласился выпить только за компанию.

Дрон, не настаивая, щедро плеснул в кружку самогона. Сергей наполнил свою брагой лишь на четверть. Нет, ничего запретного они не делали, но Сергею было не по себе. Со стороны-то это выглядело так, будто сын начальника службы безопасности и один из лучших бойцов станционной дружины наливаются спиртом прямо посреди рабочего дня.

Серега шагнул к выходу и опустил откинутый Дроном полог. В палатке сразу стало темно, пришлось зажечь подвешенную между изголовьями кроватей двадцативаттную лампочку. Внутреннее электрическое освещение было единственной роскошью, которую позволил себе отец. Ему, как начальнику службы безопасности, полагалось особое жилье – собранный из панелей щитовой домик, размером три на три с половиной метра, в каких жили комендант станции и начальники других служб. Кстати, мать, до своего последнего дня возглавлявшая в Роще медицинскую службу, тоже имела право на такой домик, которые на станции по какой-то древней, неизвестной Сергею привычке почему-то называли коттеджами. Но отец выбрал обычную брезентовую палатку, выбрав жить в тех же условиях, что и рядовые бойцы его дружины. Он установил в палатке две кровати: одноярусную, на которой спала мать, и двухъярусную, для себя с сыном. А когда мать погибла, просто снял со

своей койки второй ярус – вот и вся перестановка.

– Эх, хороша спиртяшка! – объявил Дрон, опрокинув в себя содержимое кружки, а потом перевел взгляд на Сергея и удивленно спросил: – Ты чего не пьешь?

Тот пожал плечами, сделал глоток и снова поставил кружку на место.

– Нет настроения…

– Чего случилось-то? Давай, колись, – потребовал Дрон.

– Да отец постоянно цепляется! – Серегу прорвало. – Вот скажи честно: я ведь сегодня нормально полосу отработал?!

– Не то слово, – кивнул Дрон, подливая в свою кружку спирта.

– Вот! – тряхнул головой Серега. – А отцу все не так. Мне уже двадцать, а он меня по-прежнему считает ребенком, который даже пописать сам не может! Но знаешь, что я тебе скажу? Пусть считает! Я еще всех обставлю на полосе, вот увидишь!

– Угу. Давай, чтоб все вышло, – Дрон поднял свою кружку и, не дожидаясь Сергея, опрокинул себе в рот.

– А у твоего папаши губа не дура, – добавил он, довольно облизнулся и спросил: – Закусить чем есть?

Сергей поискал глазами закуску, но не нашел. Да ее и быть не могло – после смерти матери они с отцом сами не готовили и продукты дома не хранили, а питались в столовке, да в станционном баре. Не обнаружив ничего подходящего, Серега протянул Дрону мутный от времени графин с водой, который стоял на верхней полке сколоченной отцом этажерки.

– Извини. Только запить.

– Да ладно, – отмахнулся тот и, забрав сосуд, отхлебнул прямо из горлышка.

Лицо приятеля раскраснелось, недобрый блеск в глазах пропал, и Сергей решился задать не дающий ему покоя вопрос:

– Скажи, Дрон, а вот Лида…

Он не договорил. Висящая под потолком лампочка вдруг мигнула и погасла. В палатке сразу стало темно. Не так, как бывало, когда он или отец выключали лампу, – палатка погрузилась в непроглядный мрак, хотя обычно ее тонкие брезентовые стенки пропускали наружный свет с платформы. «Авария на линии, – сообразил Сергей. – И, похоже, серьезная, раз электричество отключилось по всей станции». Он отодвинул полог и выглянул наружу – там действительно стояла непроглядная темнота.

– Эй, что со светом?! Что происходит? – слышались с разных сторон встревоженные голоса.

Пока Касарин озирался, вглядываясь в темноту, Дрон, не теряя времени, запалил керосиновую лампу, которая хранилась в палатке как раз на такой случай. Лампа страшно чадила, потому что вместо керосина была заправлена самопальной соляркой, производимой химиками-самоучками с Сибирской. Настоящий керосин уже давно не встречался в метро, так как еще в первые годы после Катастрофы сталкеры перетаскали с поверхности все разведанные запасы. Несмотря на густой едкий дым, выделявшийся при горении, солярка была одним из самых востребованных в метро товаров, служа не только горючим для керосиновых ламп, но и топливом для генераторов. А на подавляющем большинстве обитаемых станций такие генераторы являлись единственным источником электричества.

В разных частях платформы замелькали пляшущие огоньки – напуганные темнотой люди зажигали фонари, керосиновые лампы, кто-то даже поджег смоченный соляркой самодельный факел. Всем было не по себе, но панике никто не поддался. Значит, жители уверены, что поломка быстро будет устранена и свет на станции обязательно дадут.

Дрон, чертыхаясь, выбрался из палатки и, подсвечивая себе путь зажженной лампой, двинул к центру платформы. Сергей последовал за ним. В случае любых чрезвычайных происшествий всему свободному от службы личному составу дружины следовало собраться там.

Они прибыли к месту сбора одними из первых. Но вскоре вокруг забурлила целая толпа.

– Хорошо, если просто обрыв кабеля, – предположил кто-то. – А что, если обрушение туннеля?! Помните, как в прошлом году? Шесть дней электричества не было!

– Да не шесть, а целую неделю! – поправили его из темноты. – Ток только на восьмой день дали.

– Удивительно не то, что свет отрубился, а то, что это еще раньше не произошло. Я ведь сам не раз бывал на Маршальской. У них все оборудование на коленке собрано, а детали старые. Вот оно и не выдержало…

– Если это у «маршалов» авария, пусть сами ее и исправляют!

– Чего вы суетитесь? Сейчас комендант или Касарин дозвонятся туда, и все узнаем.

Сергей поискал взглядом отца, но того нигде не было видно. Скорее всего, он обсуждал ситуацию с комендантом станции или действительно пытался дозвониться до Маршальской. Вместо отца откуда-то вынырнул Хорь, приятель Сергея по детским играм. В одной руке он держал ветхую истрепанную тетрадь с желтыми рассыпающимися страницами, а в другой – зажженный карманный фонарик. Свое прозвище Хорь получил от фамилии Харитонов и еще потому, что благодаря своему щуплому телосложению мог пролезть практически в любую щель. Сергей не знал, как это связано с его прозвищем, но сам Хорь утверждал, что давно, еще до Катастрофы, на земле жили такие верткие, необычайно пронырливые зверьки.

Хорь стрельнул глазами по сторонам и оскалил щербатый рот:

– Как думаете, это надолго?

– Что, Хорек, испугался? – усмехнулся Дрон. – Держись, в штаны не наложи!

Передние зубы Хорь потерял, когда упал на рельсы, убегая от преследующей его в туннеле пары зубатых. Чтобы уйти от погони, он выбросил рюкзак со снаряжением и свой двуствольный дробовик, за что с тех пор над ним не подтрунивал только ленивый. Серега с этим согласиться не мог: хотя Хоря нельзя было назвать бесстрашным, такого отношения он не заслужил.

Мало кто из бойцов станционной дружины выстоял бы в схватке с двумя зубатыми, имея при себе лишь нож и двустволку. Эти монстры весом со здорового борова и ростом с человека были на редкость живучи. К тому же они словно не чувствовали боли и даже раненые, истекающие кровью, продолжали бросаться в атаку. Однажды в восточном туннеле Серега своими глазами видел, как зубатый со вспоротым брюхом и вываливающимися наружу кишками штурмовал блокпост. Свалить этих тварей можно было только точным выстрелом в голову или в сердце, но на средней дистанции картечь уже не пробивала их толстую шкуру. И что оставалось делать Хорю? Единственное – оружие выбрасывать было не обязательно.

– Кончай, Дрон, – сказал он и, чтобы сменить тему, указал на тетрадь, которую Хорь бережно прижимал к груди: – Что это у тебя?

– А-а! – Лицо Хоря расплылось в довольной улыбке. – Песенник. Сейчас только у Секача купил. Старый, как… я не знаю что. Вот, гляди, тут дата: 1980. Это когда было-то: за тридцать лет до Катастрофы! Даже больше! Это же настоящий древний артефакт! На Сибирской за него бы целое состояние выложили. А мне Секач всего за двадцать пять патронов отдал. Ну не лох?

Сергей скептически покачал головой. Вряд ли яйцеголовых умников Сибирской заинтересовал ворох рассыпающихся пожелтевших страниц. Он вообще сомневался, что они заплатили бы за приобретенную Хорем старую тетрадь хоть какие-нибудь деньги.

Дрон оказался более конкретен.

– Это ты лошара, Хорек! – объявил он на весь перрон. – Да на двадцать пять патронов можно целый день гулять в лучших барах Альянса! А ты отдал их за какую-то рваную тетрадку, которой можно разве что подтереться.

Дрон явно перегнул палку. Но вопреки ожиданию Сергея Хорь не обиделся.

– Да вы только послушайте, какие тут слова!

Хорь раскрыл тетрадь и, подсвечивая себе фонарем, начал читать:

Он на маму смотрит нежно

И качает головой:

Я хочу увидеть небо

Голубое, голубое,

Я хочу увидеть небо,

Ты возьми меня с собой.

– Это же как будто про нас написано! Про всех тех, кто в метро.

– Хочу увидеть небо, – передразнил Хоря Дрон. – Вылези на поверхность да посмотри на это небо. Сразу расхочется.

Но Хорь был непробиваем:

– Или вот еще. Называется «Гимн уходящему солнцу»:

Уходит день, и солнца луч

горит в глазах твоих.

Оно свой трудный, длинный путь

прошло для нас двоих…

Хорь хотел продолжать, но Дрон оборвал его гнусным гоготом:

– Да ты, видно, на голову больной, Хорек. Где твое со? Клало оно и на тебя, и на меня, и на Сержа, и на того, кто это написал. На всех нас клало.

– Нет, – тихо, но упрямо сказал Хорь.

Когда Дрон оскорблял и унижал его, он молчал, но, стоило Дрону заговорить в том же тоне о светиле, сразу обиделся. Странный парень.

Дрон собрался возразить. Сергей еще не помнил случая, чтобы тот оставил в споре за кем-то другим последнее слово. Но тут под потолком одна за другой вспыхнули лампочки аварийного освещения, и слова Дрона потонули в возбужденном гомоне собравшихся на платформе людей. Почти сразу Сергей увидел отца. Полковник Касарин стремительно шагал по перрону, рассекая толпу.

– Становись! – подойдя ближе, коротко скомандовал отец.

Сергей занял привычное место в строю на левом фланге дружины рядом с Хорем и другими стажерами.

– У нас на станции все в порядке, – объявил Касарин, обращаясь к строю. – Электрики проверили разводку и запустили резервный генератор.

Он указал на тускло светящиеся лампочки аварийного освещения:

– Сейчас электричество идет оттуда. Значит, авария произошла в туннеле или… – полковник сделал паузу. – У наших соседей на Маршальской. Мне требуется команда добровольцев для обследования туннеля. С нами пойдет бригада электриков, которые будут искать повреждение. Наша задача их прикрывать. Кто готов идти, выйти из строя.

Почти вся дружина, включая Сергея, сделала шаг вперед. Отец понимающе кивнул, словно и не ожидал от своих бойцов иного, и объявил:

– Стажеры остаются на станции для усиления блокпостов и патрулирования. Остальным добровольцам подойти ко мне.

Сергей удрученно вздохнул. В кои-то веки представился случай проявить себя. Даже если боевому прикрытию ремонтной бригады ровным счетом ничего не придется делать, дальняя разведка туннеля, да еще с заходом на Маршальскую, – это событие. А вместо этого ему предстоит набившее оскомину дежурство на блокпосту или еще более скучный обход перрона. Но спорить с

отцом, когда тот уже принял решение, бесполезно. Вот если бы он был не стажером, а полноправным бойцом дружины, как Дрон…

Его мысли прервал резкий окрик отца:

– Ты что, пьян?!

– Чуть расслабились с вашим сыном после тренировки. По глотку браги всего. Между прочим, это он…

Но отец не стал слушать оправданий Дрона.

– Остаешься на станции! – отрезал он. – Остальным получить оружие в оружейной. Через пять минут выдвигаемся.

Когда перрон опустел, Сергей подошел к Дрону:

– Не бери в голову. Ты же знаешь отца. У него принципы.

Вопреки его ожиданию, Дрон вовсе не выглядел обиженным или раздосадованным.

– Да и хрен с ним! – отмахнулся он. – Думаешь, мне охота в перегоне шпалы считать, да крысиный помет месить? Уж лучше здесь, в тепле и сухости.

– Зачем же ты тогда вызвался? – удивился Сергей.

– Зачем-зачем, – передразнил его Дрон. – Много ты понимаешь…

* * *

Красные светодиодные цифры станционных часов ярко светили в полумраке станции. Часы имели встроенный аккумулятор, поэтому не гасли даже при отключении электричества. Они служили не столько счетчиком времени, сколько символом организованности и порядка, не позволяя жителям Рощи провалиться в пучину хаоса. По словам отца, порядок поддерживался далеко не на всех

обитаемых станциях. На некоторых из них царили совершенно дикие варварские обычаи. Там могли запросто избить до полусмерти, ограбить, а то и убить. Просто так, без всякой причины, лишь для того, чтобы завладеть чужим оружием, снаряжением, едой или понравившейся женщиной. Хаос наступал не сразу, а постепенно. И первым шагом на пути к нему, как правило, становилось нарушение устоявшегося распорядка дня, соблюдение которого было невозможно без точного подсчета времени.

Глядя сейчас на сменяющиеся цифры станционных часов, Сергей был уверен: на его родной станции люди никогда не допустят ничего подобного. Самостоятельно или вместе с жителями соседней Маршальской они обязательно исправят поломку, и в Рощу вновь потечет электричество. Возобновятся школьные занятия, где детей будут учить читать и писать, рассказывать им об истории человеческой цивилизации, уничтоженной два десятилетия назад ядерной Катастрофой. Лида и ее подруги будут выращивать на плантации салат, петрушку и прочую зелень, животноводы – ухаживать за свиньями, повара – кашеварить, челноки – торговать, а бойцы станционной дружины защищать этот маленький и хрупкий, но обжитой и по-своему уютный мир.

– О чем задумался, Серж? – вернул его к реальности голос Дрона.

– Да так, – неопределенно ответил Сергей. – Хорошая все-таки жизнь у нас на станции.

– Хорошая… – повторил за ним Дрон и неожиданно добавил: – Хорошая там, где нас нет.

Серега так и не понял, что он этим хотел сказать, но разговор выходил какой-то неприятный. Хорошо, Дрон не собирался его продолжать.

– Пойдем, что ли, заглянем на блокпосты. Все дело, – предложил он, и Сергей сразу согласился.

Когда они с Дроном явились к коменданту станции, караулы блокпостов уже были укомплектованы, и их обоих назначили в парный патруль. Дрону было все равно, а Сергей пожалел, что они задержались. В период усиления дежурные смены внешних блокпостов увеличивались до шести человек, и среди караульных вполне мог оказаться много повидавший, опытный человек, который

мог бы поделиться массой познавательных историй.

Вот и сейчас, подходя к восточному блокпосту, Сергей услышал чей-то вкрадчивый, немного хрипловатый голос:

– У нас, конечно, всякое бывало. И упыри пару раз оборону прорывали…

Последний такой случай произошел в прошлом году, и всякий раз Сергей вспоминал о нем с содроганием. Большего ужаса ему еще видеть не приходилось. Упыри не зря считались одними из самых опасных туннельных монстров. Они не имели такой толстой шкуры, как зубатые, но, благодаря мускулистым задним лапам и растяжимой кожистой перепонке между туловищем и передними конечностями, были способны на стремительные и очень длинные прыжки – чуть ли не летали. К тому же цепкие когти и буквально впивающаяся в бетон жесткая щетина, покрывающая их лапы, позволяли им свободно передвигаться по стенам и даже потолочным сводам туннеля. Попасть в атакующего упыря было чрезвычайно трудно. И хотя защищающие восточный блокпост дружинники в тот роковой день уложили десяток монстров, шесть тварей все-таки прорвались на станцию. Они мчались по перрону, срывая палатки и набрасываясь на выбегающих оттуда людей – в основном детей и женщин. Кто-то пытался стрелять, но вести прицельный огонь в толпе было невозможно. И когда четырех из шести прорвавшихся на станцию монстров все-таки убили – еще двое скрылись в вентиляционной шахте, – они успели растерзать и смертельно ранить девять человек. Никто из раненых не выжил. У них началась гангрена от попавших в раны волосков упырьей щетины, и все погибли один за другим. Последней умерла женщина, на глазах которой монстры растерзали ее ребенка. Перед смертью она двое суток бредила и все умоляла врачей привести к ней сына.

– …но это все ерунда по сравнению с тем, что на Речном Вокзале творится, – продолжал рассказчик.

– А чего там такое? – спросил другой голос, помоложе.

Возле разведенного на блокпосту костра сидели пятеро: Митяй, Пашка, Ероха, Сенька-Косой и одноногий инвалид Кузьмич из бывших челноков-торговцев. Ногу он потерял в стычке с бандитами, напавшими на торговый караван. Именно его хриплый голос услышал Сергей, подходя к блокпосту. Еще двое дружинников –

Глеб и Никита по прозвищу Шплинт – стояли за возведенной поперек туннеля баррикадой из мешков с песком, усиленной наклонно забитыми в землю заточенными штырями арматуры. Правда, в глубину туннеля вглядывался один Глеб, а Никита, как и сидящие возле костра, повернулся к рассказчику.

– Безголовые, вот чего! – объявил Кузьмич. – И откуда только такие твари берутся? Хотя, если подумать, чему удивляться. Там же рядом Река…

Видимо вспомнив о чем-то, он закатил глаза и мечтательным голосом произнес:

– Обь! Красивейшая, я вам скажу, река была: широкая, полноводная. По вечерам по набережной целые толпы гуляли, я как сейчас помню. Плавучие рестораны. Это вроде нашего бара, только огромные, все в огнях. Их на списанных теплоходах или баржах строили. Да…

Словно влажная губка прошлась по лицу Кузьмича, стирая с него мечтательную улыбку. Плечи инвалида опустились, и он сгорбился, прямо на глазах превратившись в дряхлого и немощного старика. Сергею даже стало жаль беднягу.

– А теперь в воде, да по берегам одни хищные твари живут, – добавил Кузьмич, угрюмо глядя в костер. Потом, видимо, вспомнил, с чего начал свой рассказ, и продолжил: – Но безголовые, это, я вам скажу, всем нечистям нечисть. Ты в этого монстра стреляешь, а ему хоть бы хны! А чего ему сделается, коли он и так безголовый? Сталкеры с Вокзала рассказывали, что вроде эти твари и не живые вовсе. Одно слово: нечисть! Подойдет к тебе такая тварюга и прямо живьем жрать начинает!

У Сереги от этого рассказа похолодело внутри. А Дрон вдруг неожиданно прыснул резким смешком и, обращаясь к Кузьмичу, спросил:

– Чем же она жрет, если у нее башки нет?

Кузьмич поднял на него глаза, но так и застыл в растерянности. А Дрон продолжал наседать:

– Чего замолчал, старый? Давай, трави дальше. Вешай пацанам лапшу на уши.

– Чего слышал, то и говорю, – угрюмо пробурчал тот и отвернулся.

На Кузьмича больше никто не смотрел. Внимание всех присутствующих переключилось на Дрона.

– Ну и брехня! Надо же такое придумать: безголовые! – нарочито громко произнес Митяй, до этого внимавший Кузьмичу с открытым ртом.

– Дрон, расскажи что-нибудь, – попросил Ероха. – Ты же даже на Сибирской бывал. Наверное, много чего видел.

– А от страха не уссытесь? – криво усмехнулся Дрон.

Парни загалдели, наперебой уговаривая его – один только Кузьмич молчал, и в конце концов Дрон величественно уступил.

– Чего ж вам рассказать? – спросил он, подсаживаясь к огню. – Может про бункер амазонок?

– Чего за бункер такой? – насторожился Митяй.

– Про каких еще амазонок? – нахмурился Пашка.

Дрон качнулся вперед и неуловимым движением отвесил Пашке звонкий щелбан.

– Ты чего?! – вскочил тот, потирая ладонью ушибленный лоб.

– Ничего! – осадил его Дрон. – Надо было на истории препода слушать, а не сиськи разглядывать. Племя такое было в древности. Одни бабы. Амазонками назывались. И никто их победить не мог, хотя многие пытались.

– Так это в древности, – попытался реабилитироваться Пашка. Лоб у него покраснел, а над переносицей вздулась здоровая шишка.

– Ты дальше слушай, – продолжал Дрон.

Сергей за его спиной переступил с ноги на ногу. Беспричинно уходить с маршрута патрулирования запрещалось. Проверив блокпост и убедившись, что там все в порядке, они с Дроном давно уже должны были двинуться дальше. С другой стороны, очень хотелось послушать про амазоночий бункер.

– Так вот. Есть где-то у нас в метро секретный бункер, где живут одни бабы, – уверенно начал Дрон, и Сергей понял, что не сойдет с места, пока не дослушает рассказ до конца. – Правительственное бомбоубежище. Только когда двадцать лет назад наверху вся эта катавасия случилась, никто из правительства туда эвакуироваться не успел. А обслуживающий персонал еще до начала войны согнали: медсестры, горничные, официантки, массажистки. В правительстве-то в основном мужики заседали. Вот они себе в обслугу баб и набрали покрасивей, да помоложе. Запасов разных завезли: жратвы, выпивки всякой на много десятилетий вперед. А сами в бункере так и не появились. И остались там девушки одни. А мужика-то хочется! Они там молодые, в самом соку, гормон играет. Вот и стали они из своего бункера выбираться да мужиков отлавливать. Поймают какого-нибудь челнока одинокого или парочку и к себе для утех, ну и вроде как для развода. Так и живут.

– Погоди, – вмешался в разговор до этого молчавший Никита. – Так за двадцать с лишним лет они там уже все состарились, а то и поумирали.

Дрон пожал плечами:

– Какие, может, и поумирали. Так зато дочурки подросли. Им теперь как раз лет по двадцать. И все как на подбор красавицы. Мамашки-то в свое время первыми красотками были.

– Эх! Я бы к этим амазонкам наведался с дружественным визитом! – мечтательно заметил Митяй.

Остальные слушатели довольно заулыбались. Только старик Кузьмич сердито плюнул себе под ноги и сказал:

– Больно ты им нужен. У них, небось, уже и свои жеребцы подросли.

– Не-а, – мотнул головой Дрон. – Они всех пацанов еще при рождении… кирдык! Чтобы сестренки от братишек не залетали.

– Одно слово: амазонки, – подражая Кузьмичу, закончил он.

После его рассказа у костра наступила тишина, и Дрон сразу поднялся:

– Ладно. Мечтать, как говорится, не вредно. Только смотрите в штаны не напустите от своих мечтаний. Пошли, Серж.

На обратном пути Сергей придержал друга за рукав:

– Скажи, а ты откуда все это знаешь: про бункер, про амазонок? – Так я был там, – невозмутимо ответил Дрон.

– Где?!

– У них в бункере. Пошел как-то с нашим караваном на Сибирскую, а там цыпа симпатичная приглянулась. Выпил с ней в баре за знакомство и сразу отключился. Пришел в себя: мать честная! Место незнакомое. Вокруг девки полуголые. Сиськами трясут, ручонки ко мне тянут. Что они два дня со мной вытворяли! Мама не горюй!

– Ну, а потом?

– А потом я не выдержал и сбежал. Все, знаешь ли, хорошо в меру. А когда вокруг два десятка голодных баб и все только одного хотят, это, знаешь ли…

Сергей нахмурился:

– Что-то я от челноков таких рассказов не слышал.

– И не услышишь, – покивал Дрон. – Они всех мужиков, которые к ним попадают, до смерти затрахивают, а потом съедают.

– Как съедают?!

– Так же, как своих новорожденных младенцев. И меня бы съели, если бы та цыпа, которая в баре опоила, меня потом из бункера не вывела. Видно, хорошо я

ей доставил, раз она на это решилась.

Сергей застыл на месте, пораженный услышанным. Дрон по инерции сделал еще несколько шагов вперед, потом тоже остановился и повернулся к нему:

– Да расслабься ты. Пошутил я. Нет никакого бункера. И амазонок, которые по туннелям мужиков отлавливают, тоже нет. Хотя… – Он сделал паузу и прикрыл глаза. – Прикольно было бы там побывать.

– Вот ты, блин! – рассердился Сергей. – Гонишь, как это самое! А я чуть было не поверил!

Дрон усмехнулся уголком рта и, изменившись в лице, с серьезным видом многозначительно добавил:

– Не всему, Серж, что видишь и слышишь, надо верить.

Глава 2

Воровка

С детства Серега трепетно относился к мифам и легендам. Наверное, потому что они вместе с рассказами челноков и сталкеров были единственным источником информации об окружающем мире. Мире жестоком, опасном и, что бы о нем ни говорили, враждебном людям. Вот и сейчас рассказ Дрона о племени амазонок и их бесчеловечных нравах не на шутку растревожил его воображение. Он попытался представить, как должны выглядеть эти безжалостные женщины-убийцы. Воображение рисовало стройные гибкие фигуры и безупречно правильные лица с холодными глазами. Нет! Глаза должны быть другими – голодными. Ведь эти женщины охотятся на мужчин и, только удовлетворив свой голод, убивают…

Усилием воли он вынырнул из пучины собственных грез и сразу увидел ее – амазонку! Девушка стояла в темноте, прижавшись к лестничному парапету, но, стоило Сергею случайно осветить ее своим фонарем, быстро пошла вперед,

наискось пересекая платформу. Стройная фигура в плотно облегающем черном костюме, точеный профиль худого лица, плотно сжатые губы и большие, слегка прищуренные глаза. На голове черный платок-бандана, из-под которого выбивается хвост густых волос, а за спиной небольшой, туго набитый рюкзак, плотно прихваченный к груди и впалому животу широкими ремнями. Не стоило и пытаться вспомнить – он никогда не видел этой девушки. Откуда же она появилась и куда так спешит?! Чужаки крайне редко забредали в Рощу. Путь от Сибирской из центра Союза не близкий – все-таки два отнюдь не самых безопасных перегона. Да и те челноки, которые все же отваживались на столь рискованное путешествие, предпочитали сбывать свой товар на соседней Маршальской, где население все же было побогаче.

Сергей на миг прикрыл глаза, предположив, что незнакомка ему просто привиделась. Но Дрон тоже заметил ее.

– Ты гляди, какая цыпа! – восторженно прошептал он и, обращаясь к девушке, крикнул: – Эй, красотка, задержись на секунду!

Девушка его не услышала. Вернее, сделала вид, что не услышала, хотя ее пружинистая походка стала еще стремительнее. Сергей невольно залюбовался ее стройными ногами, обутыми в настоящие кеды на литой резиновой подошве, – не в тот убогий ширпотреб, что клепали из лоскутов брезента и старых автомобильных покрышек сноровистые ремесленники-обувщики. Даже на больших базарах добротная качественная обувь стоила очень дорого, а уж у челноков-торговцев тем более. Но, по-видимому, деньги не составляли для незнакомки проблемы.

Взгляд Сергея скользнул выше по затянутым в черное трико икрам и наткнулся на узкую рукоятку клинка, вставленного в пристегнутые к лодыжке девушки специальные ножны. Он изумленно выкатил глаза. Женщины Рощи не носили при себе оружия – защищать их было делом мужчин. Возможно, на других станциях действовали другие правила, но! Незнакомка должна была оставить все оружие, включая свой клинок, на блокпосту. Если она, конечно, проходила через блокпост!

– Дрон, держи ее! – крикнул Сергей напарнику, который как раз направился следом за девушкой.

Но произошло непредвиденное.

Стоило Дрону приблизиться к незнакомке, как она развернулась к нему. Неуловимо качнулась в сторону, уйдя от протянутых рук, сама схватила Дрона за отвороты пижонской кожаной куртки и толкнула вперед, выставив на пути свою точеную ножку. Это была классическая передняя подсечка, но выполненная настолько стремительно, что даже Дрон, имеющий богатый опыт всевозможных драк и рукопашных схваток, не успел среагировать. Словно подрубленный, он повалился на пол, нелепо размахивая руками, но так и не сумел сгруппироваться – и врезался лбом в гранитные плиты. Еще до того, как его тело шмякнулось на платформу, девушка сорвалась с места, спрыгнула на рельсы и помчалась к виднеющемуся впереди входу в служебный туннель. Этот туннель открывали только по необходимости, в остальное время он оставался заперт, но сейчас Сергей с изумлением обнаружил, что входная железная дверь – та самая дверь, ключи от которой имелись только у его отца, коменданта станции и начальника ремонтно-восстановительной службы, приоткрыта. Значит, ничто не помешает пробравшейся на станцию незнакомке так же незаметно уйти. Сообразив это, Касарин бросился наперерез девушке.

Она почти успела. Ухватившись за дверную ручку, лазутчица уже тянула дверь на себя, когда Серега в прыжке сбил ее с ног. Сцепившись, они упали на рельсы. Девушка вскочила первой, но Сергей поймал ее за ногу, рванул и снова опрокинул на землю, закрываясь локтем от удара другой ногой в лицо. Тогда незнакомка выхватила свой клинок – не примитивную кустарную заточку, а настоящий боевой сталкерский нож с вороненым остро отточенным лезвием. Судя по полыхнувшим ненавистью глазам, это была не пустая угроза – она собиралась пустить клинок в дело. Схватка сразу перешла на другой, смертельно опасный уровень.

У Сергея тоже было при себе оружие – револьвер в поясной кобуре, но до него еще нужно было добраться. Он откатился в сторону и, вскочив на ноги, встал в боевую стойку. В тот же миг его противница сделала длинный выпад, выбросив перед собой руку, удлиненную остро отточенным стальным жалом. Сергей рефлекторно отшатнулся, и нацеленное ему в живот острие клинка всего на несколько сантиметров не дотянулось до диафрагмы. Амазонка сейчас же нанесла новый удар, на этот раз сбоку. Но теперь Сергей был к нему готов. Он блокировал ее руку, вывернул кисть, а для верности еще и ударил по руке ребром ладони. Нож вылетел из разжавшихся пальцев и, отлетев в сторону, вонзился в железнодорожную шпалу. Девушка рванулась прочь, но Касарин не

позволил ей вырваться из своего захвата: завернул за спину руку и прижал к себе.

– Стой спокойно, иначе вывихнешь плечо, – предупредил он.

Однако амазонка не послушалась. Изловчившись, она впилась зубами в ладонь парня. Но это был, скорее, жест отчаяния – от платформы к ним уже бежали караульные с западного блокпоста и впереди – злой как черт, всклокоченный Дрон.

* * *

– Ты кто такая? Как сюда попала? – спросил начальник караула у девушки, которую крепко держали за руки двое дружинников.

Сергей стоял рядом, тщетно пытаясь остановить кровь, сочащуюся из прокушенной ладони. Он уже пытался слизывать кровь языком, зажимал укус куском марли. Ничто не помогало – рана все равно кровоточила.

Задержанную лазутчицу привели на блокпост, и там при свете двух горящих керосиновых фонарей Сергей смог ее как следует рассмотреть. Ей было от силы лет двадцать. Во всяком случае, девушка выглядела его ровесницей. Среднего роста, хрупкая, но не тощая – под плотно облегающим ее фигуру спортивным трико угадывались хорошо натренированные мышцы. Но не фигура, а лицо незнакомки поразило Сергея. Он никогда не видел такой чистой и свежей кожи. Лица всех без исключения женщин, с которыми хоть раз сводила его судьба, хранили печать тоски или тревоги, тяжелого труда и накапливающейся день ото дня усталости. Даже на лице шестнадцатилетней Лиды в уголках глаз залегли глубокие морщинки. А ее руки! От постоянной работы на плантации кожа на ладонях Лиды, да и у других работающих с нею девушек, огрубела и приобрела серый землистый оттенок. Зато у схваченной незнакомки ладони были такими же чистыми и гладкими, как и ее лицо. Похоже, она не только следила за собой, но и… регулярно пользовалась косметикой! Сергей слышал про увлажняющие огуречные маски, которые некоторые женщины якобы накладывают себе на лицо, но считал эти рассказы обычными выдумками. В голове не укладывалось, как можно использовать этот редкий и страшно дорогой плод просто для очищения и увлажнения лица. Приходилось ему слышать и вовсе фантастические истории о каких-то чудодейственных кремах, производимых то

ли на Сибирской, то ли где-то еще из плодов каких-то редких растений и способных чуть ли не возвращать людям молодость. Но никто в Роще не пользовался такими кремами и никогда даже не видел их, поэтому Сергей считал рассказы о них такими же красивыми легендами, как и упоминания о живой воде, способной якобы заживлять любые раны. Но гладкая, без единой морщинки или рубца, кожа стоящей перед ним девушки опровергала все его прежние представления. Еще больше удивляло другое: почему никто из пристально разглядывающих незнакомку мужчин не обратил на это внимание?

– Ты будешь говорить или нет?! – повысил голос начальник караула.

– Да дайте мне с ней часик… Она у меня заговорит, – оскалился Дрон.

Девушка никак не отреагировала на их слова, даже головы не повернула, словно происходящее ее совершенно не касалось.

– Может, глухонемая? – предположил кто-то из собравшейся у блокпоста толпы любопытных, пришедших посмотреть на пойманную лазутчицу.

– Надо тряхнуть ее рюкзак, – вдруг сказал Сергей.

В ответ незнакомка метнула в него такой исполненный ненависти взгляд, что Сергею стало не по себе. Дрон тут же шагнул к пленнице и, не дожидаясь команды начальника караула, сорвал с ее плеч рюкзак. Толпа подалась вперед. Дрон, смакуя обращенное на него всеобщее внимание, неторопливо расстегнул рюкзак, запустил туда руку и, покопавшись внутри, вытащил запечатанную упаковку антибиотиков. В первый миг Сергей испытал разочарование, но, когда Дрон изменился в лице, насторожился.

– Да у нее полный рюкзак лекарств! – объявил он.

– Обезболивающие, обеззараживающее… – начал перечислять Дрон. – Да это же наши лекарства! Эта стерва все наши лекарства вычистила!

По толпе прокатился вздох возмущения. Сразу несколько человек бросились к палатке с красным крестом, где располагался медицинский пост. Там в сейфе начальника медицинской службы хранились все общественные медикаменты. Те

самые, которые сталкеры, рискуя жизнью, разыскивали на поверхности в развалинах аптек и городских больниц и которые считались чуть ли не самой большой ценностью в метро.

Неужели?! Сергей впился взглядом в лицо пробравшейся на станцию незнакомки. Она стояла бледная и не шевелилась. Он все понял. А еще через минуту из медицинской палатки донеслись возбужденные крики.

– Сейф пуст!.. Здесь почти ничего не осталось!..

– И кабель электрический наверняка она перерезала! – добавил кто-то из толпы.

Тем временем Дрон, продолжающий молча копаться в рюкзаке девушки, достал оттуда туго скрученный сверток прорезиненной ткани, а когда развернул и встряхнул его, оттуда посыпались металлические пилки и изогнутые зазубренные крючки разных форм и размеров.

– Да это же отмычки! – ахнул один из державших лазутчику караульных.

– А я что говорил! – выкрикнул все тот же голос из толпы. – Она, она кабель перерезала!

Над толпой взметнулись кулаки. Дрон шагнул к воровке и наотмашь ударил ее по лицу. Голова незнакомки мотнулась в сторону, и из разбитого носа показалась струйка крови. Но Дрону этого показалось мало, и он без замаха коротко ударил девушку кулаком в живот. Та захрипела и не упала только потому, что ее крепко держали за руки двое караульных. Сергей оцепенел, а в толпе раздались одобрительные возгласы. Люди, которых он хорошо знал, нормальные добрые люди, всегда готовые поделиться с товарищем едой и патронами, сейчас с одобрением наблюдали за избиением девушки, даже не пытавшейся защищаться. И никто, ни один человек даже не пытался остановить эту расправу!

А потом над толпой грянуло страшное:

– Повесить ее!

И сейчас же множество глоток подхватили этот крик:

– Повесить!

– Повесить!!!

Сергей разобрал даже несколько женских голосов.

Караульные подхватили девушку под руки и через неистовствующую толпу потащили к центру платформы. Но прежде чем бурлящее людское варево скрыло от Сергея схваченную воровку, она обернулась к нему – и он увидел на ее лице вымученную застывшую улыбку.

И эта прощальная улыбка, этот обреченный взгляд сорвали внутри Сергея какую-то пружину. Он бросился вперед, бесцеремонно расталкивая в стороны оказавшихся на пути мужчин и женщин, и в конце концов пробился к пленнице.

– Так нельзя! Нельзя ее вешать! – закричал Сергей, загородив караульным дорогу.

– Это еще почему?! – выступил вперед пожилой Кузьмич, опираясь на свой костыль. Глаза инвалида горели праведным гневом, на нижней губе повисла капля слюны. – Она же воровка! Гадюка! Туда ей и дорога!

Про «гадюк» Сергей уже слышал. В Рощу порой доходили разрозненные слухи о таинственном клане или секте неуловимых воров с таким названием. Дрон утверждал, что среди «гадюк» одни молодые, безумно красивые девушки, способные одним взглядом соблазнить любого мужчину, и что во всем метро нет такого места, куда бы они не могли пробраться и выкрасть то, что им нужно. Сначала Сергей ему поверил, но теперь – после признания Дрона о выдумке про бункер амазонок – и его рассказ о неуловимых «гадюках» выглядел сомнительно. Особенно откровения о главаре воровского клана, которого, по утверждению Дрона, почему-то звали не по-русски не то Тедом, не то Кеном, не то вообще каким-то Кедом. Правда, ловкость незнакомки, найденный при ней набор профессиональных отмычек и ее умение вскрывать сейфы и запертые двери говорили сами за себя…

– Если она Гадюка, у нее ведь на плече должна быть татуировка – змея! – выпалил он последний аргумент.

Дрон сейчас же шагнул к воровке и, разорвав на ней трикотажный свитер и открывшуюся под ним майку, обнажил ее левое плечо. Наблюдая за ним, Сергей с ужасом подумал, что если на плече девушки действительно обнаружится такая татуировка, ее уже не спасти. Возбужденная толпа тут же, на месте, приведет в действие свою угрозу. Но на плече незнакомки не оказалось никаких татуировок – все та же чистая, гладкая кожа. У Сергея отлегло от сердца, однако Дрон и не думал успокаиваться.

– Значит, здесь! – громогласно объявил он и так же бесцеремонно оголил девушке другое плечо.

Но и там ничего не было.

– Так, может, не на плече, а ниже, – заявил Дрон и принялся срывать с девушки одежду.

Караульные все так же крепко держали ее за руки, поэтому она не могла защищаться, но все-таки попыталась оттолкнуть Дрона коленом. Ее сопротивление только еще сильнее раззадорило его.

– Стой, сучка! Не рыпайся! – прикрикнул он на девушку и снова ударил ее по лицу.

Этого Сергей стерпеть уже не смог. Он схватил Дрона за руку и оттолкнул напарника от пленницы.

– Ты что, сдурел?! – взревел тот.

Он обернулся – и они столкнулись с Сергеем взглядами. И, видно, было в Серегиных глазах нечто такое – страшное, дикое, – что даже Дрон обомлел, замешкался и отступил.

– Убедились?! Она не Гадюка! – обратился Сергей к притихшей толпе.

Но тут подал голос начальник караула:

– Не так давно на Маршальской тоже Гадюку поймали. Так у нее никаких татуировок не было.

– Тут и думать нечего! Она это! – подвел итог Кузьмич.

Ослабившие хватку караульные вновь зажали пленницу с двух сторон, а их начальник достал откуда-то узкий ремень и принялся сосредоточенно связывать девушке руки. Сергея оттеснили в сторону. Мнение рядового патрульного, да еще стажера, здесь никого не интересовало. Вот если бы на его месте оказался отец, он разом положил бы конец произволу. Отец! Сергей понял, что ему нужно делать.

Он снова протиснулся в центр.

– Даже если эта девушка воровка, нельзя казнить ее без суда! – твердым голосом объявил он. – Ведь мы не бандиты и не убийцы! Только суд может решить ее судьбу. Только суд, – повторил он. – Во главе с председателем.

Председателем суда в Роще являлся начальник службы безопасности, а двумя другими судьями выбранные члены станционного Совета, но они практически всегда соглашались с мнением председателя.

Оставалось дождаться возвращения отца… И надеяться, что тот его послушает.

* * *

На крупных станциях тюрьмы состояли из нескольких камер. Так, например, на Сибирской, где было больше всего жителей, под арестом могли одновременно находиться более десятка заключенных. Но в Роще в такой большой тюрьме не было необходимости, и камера имелась только одна. Да и то в основном использовалась не для содержания осужденных преступников, а для временного заключения пьяных дебоширов или потерявших человеческий облик, обкурившихся дурью наркоманов. Поэтому отец в шутку называл ее странным словом «вытрезвитель». Камера располагалась под пассажирской платформой, в одном из подсобных помещений. Прежде, еще до Катастрофы, здесь хранились

швабры, ведра и другой хозяйственный инвентарь. Одно ведро, служившее заключенным отхожим местом, видимо, сохранилось с той поры. Кроме этого ведра в камере появились грубо сколоченные деревянные нары без тюфяка, а большего для отрезвления попадающим сюда пьяницам и наркоманам ничего и не было нужно.

Сейчас внутреннее пространство камеры терялось в темноте, так как единственная проведенная сюда лампочка теперь не горела. Но конвоиров это не волновало.

– Давай, заходи! – грубо сказал один из них и втолкнул остановившуюся на пороге девушку внутрь.

– Как же она там без света? – растерялся Сергей. – Ее же крысы сожрут…

– Договорится как-нибудь, – усмехнулся тот и, захлопнув железную дверь камеры, задвинул массивный засов.

«Ничего, через три, максимум через четыре часа, с отрядом разведчиков вернется отец», – успокоил себя Сергей. Но утешение, по сути, являлось самообманом. Если повреждение окажется серьезным и ремонт затянется, разведчики могут и задержаться. Такое уже бывало. Последний раз ремонтная бригада не возвращалась из туннеля целые сутки. А для молодой девушки каждый лишний час, проведенный в темноте и неизвестности, – настоящая пытка.

Сергей хмуро взглянул на заперевшего дверь стражника, который устроился возле камеры на пустом перевернутом ящике.

– Охранять будешь?

– Как приказано, – ответил тот и, обернувшись к своему напарнику, добавил: – Сменишь меня через два часа, ага?

Хотя стражник выполнял приказ, его демонстративное равнодушие вывело Сергея из себя.

– Тебя бы вот так заперли, в этой крысиной норе, в темноте, а?!

– Ничего, вот как в петле задергается, так ей и наша тюрьма райским местом покажется, – оскалился тот. – Будет знать, как воровать!

– Хотя бы фонарь ей дай!

– А на том свете фонари не положены, так что пусть привыкает! – ухмыльнулся стражник.

Он ведь, гнида, специально старался говорить громко, чтобы пленница за дверью слышала каждое слово. Сергею захотелось дать тюремщику в рожу, но он лишь поиграл желваками, что, впрочем, не произвело на стражника никакого впечатления, повернулся и зашагал прочь.

Их с Дроном смена давно закончилась – сейчас станцию патрулировала другая пара дозорных. Увидев издалека Сергея, они остановились и уважительно покачали головами. Когда они поравнялись, один из патрульных одобрительно хлопнул его по плечу:

– Молоток, Серж! Лихо скрутил эту тварь, да еще в одиночку.

– Неужто она правда Дрона заломала? – поинтересовался другой.

Сергей рассеянно кивнул и, не вступая в разговор, побрел дальше. Ноги сами принесли его на место схватки с воровкой. Остановившись, он посветил вокруг себя фонарем и выдернул воткнувшийся в шпалу нож девушки. Это был метательный клинок, но не из тех грубых поделок, которые клепали в метро все, кому не лень. Отлично заточенное лезвие, прекрасная балансировка, удобная рукоятка с деревянными накладками, а не обмотанная скользкой изолентой. Сергей взмахнул рукой, нанеся воображаемому противнику короткий колющий удар, потом подбросил нож на ладони, перехватив за лезвие, и метнул в ближнюю деревянную опору из тех, что укрепляли свод туннеля. Нож вонзился точно в середину намеченного сучка. Однако! Касарин выдернул нож из опоры и, как свой законный трофей, вставил в узкий карман-ножны на левом запястье.

Если бы нож обнаружили в момент задержания или среди вещей схваченной девушки, он стал еще бы еще одной уликой. Впрочем, и без этого ножа никто на станции уже не сомневается, что она профессиональная воровка. Но как бы там ни было, Сергей не хотел ее смерти, даже несмотря на совершенное ею страшное преступление. В голове даже шевельнулась мысль, что, возможно, правильнее было бы позволить девушке сбежать, тогда бы ей сейчас ничто не угрожало. Но она сбежала бы с украденными лекарствами, оставив все население Рощи: мужчин, женщин, стариков и детей без медицинской помощи. И, значит, это тоже было неправильно! Он обязан был задержать воровку, и сделал это.

Только вот теперь из-за него красивая девушка, только начинающая жить, будет повешена. А это – правильно?

Терзаемый сомнениями, он вернулся на платформу. Если бы кто-то дал дельный совет или хотя бы выслушал его, на душе наверняка стало бы легче. Но, как назло, рядом никого не было, даже Дрон куда-то запропастился. Сергей зашел в свою палатку и уселся на койку. Может, действительно напиться? Он потянулся к ящику, где хранилось спиртное, но так и не донес руку, наткнувшись взглядом на стоящую рядом керосиновую лампу.

Вспомнив о кишащей крысами камере-одиночке, Серега схватил керосинку и вышел вон.

Еще на подходе к камере, куда поместили воровку, он уловил сладковатый запах дури. Обоняние не обмануло – оставшийся у двери стражник с блаженной улыбкой потягивал раскуренную самокрутку. Услышав приближающиеся шаги, он вскочил на ноги и попытался спрятать дымящийся косяк, но было уже поздно.

– На посту куришь? – прищурился Сергей.

– Да я всего-то чуть, самую малость, – залепетал стражник и, бросив самокрутку, демонстративно затоптал ее ногой. – Ты это, Серый, не выдавай отцу. Будь другом, а?

Он заискивающе уставился на Сергея.

– Отопри дверь!

– Дверь? – мигом насторожился тот. – Тебе зачем?

– Хочу допросить задержанную.

– Допросить? – снова переспросил стражник.

Сергей и сам понимал, что его ответ прозвучал неубедительно, но другого у него не было.

– Вообще-то к арестованным не положено никого пускать, – замялся стражник, но потом, уставившись на упорно дымящийся на полу окурок, промямлил: – Но тебе, думаю, можно. Ведь это ты ее поймал.

Едва Сергей переступил порог камеры, дверь за ним тут же захлопнулась. Кое-как, на ощупь, он запалил лампу и при ее мягком свете горящего фитиля рассмотрел стоящую у противоположной стены пленницу. Она была уже без своего черного свитера, в одной разорванной майке, и босая. Возможно, это начальник караула приказал изъять у нее верхнюю одежду и обувь, но, скорее всего, свитер и дорогие кеды просто приглянулись кому-то из стражников.

– Вот, лампу тебе принес, – пробормотал Сергей – не зная, как начать разговор. – А то тут крысы лезут… В темноте.

Девушка в ответ только усмехнулась, не спуская с Сереги цепкого, подозрительного взгляда.

– Трогательно. Последнее желание приговоренного? Я бы не этого попросила.

– Не бойся, – зашептал Сергей, чтобы стражник за дверью, чего доброго, не услышал его. – Я помогу тебе. Договорюсь с судьями… Тебя отпустят.

– И что я буду тебе должна за такую милость? – девушка натянуто улыбнулась. – Перепихнуться с тобой?

– Зачем ты так? Я правда хочу тебе помочь. Мой отец начальник службы безопасности и председатель суда. Сейчас его здесь нет, но он скоро вернется

на станцию, и я попрошу его, чтобы…

Он не договорил: девушка покачала головой и расхохоталась: негромко, горько, до слез на глазах. Страшно.

– Твой отец полковник Касарин? – спросила она; нехорошая улыбка словно примерзла к ее губам.

– Да. Что тут смешного? – насупился Сергей.

– Да то, что он тут же прикажет вздернуть меня, едва ты заикнешься ему обо мне!

– Ты не знаешь моего отца!

Девушка снова широко улыбнулась, обнажив ровные, белые зубы.

– Это ты его не знаешь. Всему метро известно, что полковник Касарин – настоящий зверь. Жестокий, как…

– Мой отец… Не такой! – Сергей вспыхнул, замахнулся на воровку, но поперхнулся своими словами и сдержал руку.

Что бы ни говорила воровка о его отце – если Серега сейчас ударит ее, он уподобится всем тем, кто собирался вздернуть девчонку, не разбираясь даже, зачем ей понадобились лекарства. Повинуясь внезапному импульсу, он взялся за ее запястья – и расстегнул стягивающий их ремень.

Девушка изумленно уставилась на него:

– Зачем ты это сделал?

– Тебе же… было больно, – пожал плечами Сергей, пряча глаза.

Она смерила его взглядом с ног до головы и покачала головой:

– Вот уж не думала, что у Касарина сын такой слюнтяй.

– Почему… – побагровел Сергей, но девушка не дала ему договорить.

– Потому что это глупо! Твой отец не стал бы церемониться с воровкой. Он прикончил бы меня прямо на месте без всяких разговоров. И это правильно! Так и должен поступать мужчина. Можешь убить врага – убей! И нечего распускать сопли!

Сергей опешил:

– Я… не могу. Жалко же…

Девушка с вызовом вскинула голову:

– Жалость – удел слабаков и слюнтяев! Зачем меня жалеть? Зачем позволять мне жить? Чтобы я состарилась, превратилась в больную, никому не нужную старуху и клянчила милостыню, пока не сдохну в какой-нибудь сточной канаве? Нет, спасибо. Такого будущего мне не надо! Уж лучше быстро умереть молодой и здоровой, чем гнить от болезней и околеть старой каргой!

Сергей изумленно уставился на незнакомку. Не похоже было, чтобы она паясничала или лгала.

– Неужели у тебя нет ничего, ради чего стоило бы жить?

– Можно подумать, у тебя есть! – резко ответила девушка. – Я прекрасно понимала, на что шла, и представляла, что со мной будет, если я попадусь. Так что валяться в ногах и вымаливать пощаду не стану. Это все равно ничего не изменит.

Она помолчала, словно решала – говорить или нет, а потом выпалила Сергею прямо в лицо:

– И я бы заколола тебя там, в туннеле, без колебаний – если бы только был шанс!

Сергей покачал головой.

– Знаешь… Кажется, будто ты пытаешься убедить меня… И себя… Что заслуживаешь смерти…

Она снова рассмеялась: коротко и зло.

– А ты считаешь, нет?

– Нет, – твердо ответил Сергей. – Ты совершила подлый поступок. Лекарства, которые хранились в нашем сейфе, начала собирать еще моя мать. Она была врачом, возглавляла нашу медицинскую службу. И, хотя могла этого не делать, часто лично выходила со сталкерами в город на поиски лекарств… Пока однажды во время одной из таких вылазок их всех не растерзали мутанты. Моя мать могла бросить рюкзак с собранными лекарствами и бежать, но не сделала этого, потому что думала об оставшихся внизу людях, для которых эти лекарства были последней надеждой. А ты хотела их просто присвоить. Украсть. Тем не менее, я считаю, что ты должна жить.

– Почему?! – крикнула ему в лицо воровка.

– Потому что ни один человек не заслуживает смерти.

Девушка отвернулся и замолкла. Потом посмотрела на Сергея снова – и улыбнулась, на этот раз грустно и уже без всякой издевки.

– Если ты останешься жив, то скоро переменишь свое мнение, – вздохнула она. – Мне тебя жаль. Твоя мать глупо воспитывала тебя и глупо погибла. Ей надо было бросать все лишнее и бежать, раз у нее была такая возможность. Ради кого она погибла? Ради кучки жалких людишек, которые даже не подумали прийти ей на помощь.

– Они не могли, – возразил Сергей. – Да и не успели бы. Нападение произошло на поверхности.

Прежде это не приходило ему в голову, но сейчас он вдруг увидел все случившееся в тот роковой день другими глазами. Никто в Роще не знал, когда отправившиеся в город сталкеры должны вернуться. Да они и сами этого не знали. Мать сказала «до темноты». Но что это значит: на закате, за час или за

два до захода солнца? Монстры могли напасть на ее группу в любой момент. Значит, когда он уговаривал отца отправиться на поиски матери, и она, и ушедшие с ней сталкеры, скорее всего, уже были мертвы. И отец это понимал. Он отказался ночью идти на поверхность, потому что знал: поиски в темноте ничего не дадут, и не хотел подвергать напрасному риску себя и остальных спасателей. Хотя о себе он, скорее всего, не думал. Нет, думал! Ведь он понимал, что с этого дня они остались вдвоем и что кроме него больше никто не позаботится о его ребенке. Он чувствовал свою ответственность за судьбу сына, поэтому не пошел ночью в город, а не потому что струсил, побоявшись нарушить станционный устав, запрещающий в темноте вылазки на поверхность. Сергею стало стыдно. Все эти годы он носил в душе обиду, а ведь отец, если разобраться, поступил тогда единственно правильным образом. Так ведь? Или он все же должен был, бросив все, подняться наверх и искать мать, пока не найдет ее – живой или мертвой?..

Сергей взглянул в глаза стоящей перед ним девушке: поняла ли она его? Но она ничего не поняла.

– А если бы нападение произошло в туннеле, думаешь, что-то изменилось? – ехидно переспросила воровка. – Черта с два!

Она замолчала, а потом снова заговорила, но уже совсем другим голосом:

– Моя мать умерла, когда меня рожала, и я даже не знаю, как она выглядела. Зато помню, как умирал мой отец. Он умер у меня на глазах, после того как один мерзавец выстрелил ему в живот. Мой отец был сильным человеком, он умирал долго. Если бы те, кто оставался на станции, помогли ему, его, может, удалось бы спасти. Они слышали мои крики, но никто из них даже не подумал помочь нам, хотя им и нужно-то было пройти по туннелю каких-то пятьдесят метров. Я тоже должна была умереть. Когда пятнадцатилетнюю девчонку насилуют четверо амбалов, это нормальный исход. Но я выжила. А когда собрала последние силы и подползла к отцу, он был уже холодным. Те четверо давно ушли. Они получили, что хотели, и никто из нас им больше не был нужен. Сейчас они, наверное, уже забыли нескладную девчонку, которую четыре года назад трахнули в темном туннеле. Но я все помню. И единственное, о чем жалею, так это о том, что не сумела добраться до них, чтобы заставить испытать ту же боль, что перед смертью чувствовал мой отец. Пока не сумела. Думала, доберусь до них, если пойду в воры… Но…

Что-то перевернулось в душе девушки. У нее на глазах выступили слезы. И она, словно испугавшись этого, стиснула зубы и резко тряхнула головой, отгоняя их от себя.

– Все! Хватит! Уходи. Я хочу остаться одна.

Но Сергей не послушал ее.

– Ты ищешь убийц своего отца – и для этого связалась с ворами?..

– Какая тебе разница?! – Подскочив к Сергею, девушка сильно толкнула его в грудь обеими руками. – Что ты мне в душу лезешь?! Вали отсюда! Слышишь?! Вали!

Сергей отлетел к двери и выдохнул. Неужели он прав?

Но это значит, что несчастная девчонка – не только преступница, но и жертва. Как можно казнить ее? Как можно оборвать жизнь, искалеченную людским равнодушием, бессмысленной жестокостью и чудовищной несправедливостью, которую никто никогда не попытается исправить?

Когда его отец вернется на станцию, он должен это услышать. И он простит девчонку.

Глава 3

Приговор

Разведотряд уверенно продвигался вперед по темному туннелю. Здесь почти не бывало чужих. Челноки-торговцы крайне редко забредали на дальнюю станцию Союза, а монстры, которые, несмотря на тщательно запечатанные технологические колодцы, иногда непостижимым образом проникали в туннель, немедленно истреблялись дозорами с обеих сторон.

Правда, несколько обширных радиоактивных пятен не позволяли назвать перегон между Рощей и Маршальской полностью безопасным. Разведотряд только что благополучно миновал последнюю зону радиационной угрозы, скоро впереди должны были показаться сигнальные огни Маршальской, и бойцы воспряли духом. К тому же, идущая за ними по пятам бригада электриков не обнаружила повреждений проложенного по туннелю электрического кабеля. Словом, все было чудесно.

И только одного полковника Касарина одолевали тревожные предчувствия.

Он привык доверять своим предчувствиям. Двадцать с гаком лет жизни в подземелье, проведенные в непрестанных схватках с чудовищами и человеческим отребьем, научили его предугадывать опасность, чуять ее загривком. И худшие опасения зачастую сбывались.

До Катастрофы он был совсем другим. Касарин до сих пор помнил, как шел по улицам Новосибирска, буквально ощущая на своих плечах новенькие лейтенантские погоны. В кармане лежало полученное при выпуске из военного училища командировочное предписание с номером части, где ему предстояло служить. Но молодой лейтенант не думал о своей будущей службе, потому что рядом с ним рука об руку шла самая прекрасная девушка на свете, решившая связать с ним свою судьбу. Они поженились сразу после его выпуска. Он – новоиспеченный армейский лейтенант и она – ученица последнего курса Новосибирского медицинского университета. Стоял жаркий летний лень, светило яркое со.

Это был последний день человечества, и до конца света оставалось всего несколько минут.

Они пошли гулять, но жена натерла ногу новыми босоножками, пришлось спуститься в метро, чтобы добраться до дома побыстрее. На конечной станции, которая в прежнем мире называлась куда красивее: «Березовая роща», женский голос, как положено, объявил из динамиков, что поезд дальше не идет, и попросил освободить вагоны. Вместе с остальными пассажирами Касарины вышли на платформу, где уже бурлила разноголосая толпа, осаждающая дежурного по станции.

Поезда больше никуда не шли – никогда. И вернуться домой ни Касариным, ни кому другому дежурный не позволил. Их дома больше не существовало.

Люди, придавленные невероятным известием о начавшейся ядерной войне, сначала притихли – но на третий день, когда подошли к концу скудные запасы питьевой воды и запасенного на станции продовольствия, грянул бунт. Обезумевшая от страха перед неизвестностью толпа растерзала пожилого дежурного и двух постовых милиционеров, пытавшихся подавить начавшиеся беспорядки. Всего в тот день погибло восемнадцать человек. А могло погибнуть гораздо больше, если бы лейтенант Касарин с группой добровольцев не сумел восстановить порядок. Потом были схватки с мародерами и расплодившимися, как грибы после дождя, шайками бандитов, пытавшимися установить в метро свои порядки. В этих боях, порой отчаянно жестоких и кровавых, Касарин и завоевал уважение окружающих. Через год его выбрали в избранный Совет независимой станции Роща и он принял от Коменданта капитанское звание. Еще через год возглавил службу безопасности и вырезал из консервной банки жестяные майорские звездочки. Звания в метро присваивались куда быстрее, чем на поверхности раньше, – но и жизнь тут была куда короче.

Тогда же у них родился сын. Роды проходили тяжело, жена чудом выжила. Больше она не могла иметь детей и сама объявила об этом мужу. Касарин ее за это не корил, не расстраивался: нет, так нет – слишком сильно он боялся потерять ее при следующих родах. В его силах было устроить супругу на безопасную работу и добиться для нее щадящего режима, но она наотрез отказалась оставить медицинскую службу и, несмотря на все его протесты, просьбы и запреты, продолжала свои вылазки на поверхность ради поиска лекарств и других медикаментов. Они крепко ругались из-за этого, однако все, чего он сумел добиться от нее, это обещания быть осторожной.

Но какая может быть осторожность в кишащем чудовищами мертвом городе? Касарин боялся, что когда-нибудь она не вернется из своей очередной вылазки. И однажды это случилось.

Сейчас Касарин испытывал схожие ощущения, что и в тот роковой день, когда его жена отправилась в свою последнюю экспедицию. На этот раз тревога была связана с сыном, оставшимся в Роще, и с давно ставшей ему родной станцией. Причем угроза исходила именно со стороны Маршальской, к которой с каждым шагом приближался его отряд. И чем ближе становилась конечная цель пути, тем сильнее Касарину хотелось развернуть отряд и немедленно возвращаться в

Рощу. Но логика и служебный долг требовали определить источник угрозы, поэтому Касарин продолжал шагать вперед. Так или иначе, через сто – двести метров все выяснится…

Но и через сто, и через двести метров разведчиков окружала все та же темнота, разрезаемая лишь лучами фонарей идущего впереди дозора. Наконец и дозорным стало тревожно. Их шаги замедлились, а еще через пару десятков метров дозор и вовсе остановился.

– Командир, а где станция-то? – растерянно спросил один из них.

По расчетам Касарина, они давно уже должны были выйти к Маршальской. Приказав отряду остановиться, полковник подошел к дозорным и включил собственный ручной фонарь с тяжелой аккумуляторной батареей и мощным световым лучом. Конус яркого света вытянулся вперед и уперся в густую вязкую темноту. Касарин вместе с дозорными изумленно уставился на четко очерченное лучом неровное световое пятно, пока в какой-то момент не понял, что темнота впереди осязаема. Все пространство туннеля от дна с проложенными по нему рельсами до арочного полукруглого свода заполняла шевелящаяся темная масса. Она двигалась и дышала, словно клубящийся туман. Но вздымающиеся темные клубы больше походили на огромные спутанные клубки черной паутины или шерсти, за которыми… – наконец Касарин сумел это рассмотреть – виднелись очертания пассажирской платформы! И откуда-то из глубины этой паутины доносились приглушенные чавкающие звуки, словно это нечто продолжало свою неспешную трапезу.

– Матерь божья! – в ужасе воскликнул один из дозорных. – Что это?!

Ему никто не ответил. Все, включая Касарина, как загипнотизированные смотрели на открывшееся перед ними жуткое зрелище. Только было слышно, как стучат в тишине от ужаса чьи-то зубы.

Прошла секунда или минута – Касарин потерял счет времени, как вдруг черная паутина выбросила в сторону застывших в ужасе людей гигантское щупальце, сплетенное из множества нитей. Этот бросок вывел его из оцепенения.

– Назад!!! Отходим!!! – оглушительно рявкнул он.

Окрик возымел действие – бойцы бросились вглубь туннеля, прочь от станции, опутанной живой паутиной. Некоторые потеряли голову и неслись вперед, не разбирая дороги. Кто-то споткнулся на бегу и упал, но пробегающие мимо даже не заметили этого. Людей охватила паника. Только через полчаса Касарину удалось собрать свой разбежавшийся отряд и восстановить дисциплину.

Но одними приказами нельзя заставить людей избавиться от поселившегося в душе страха, а в глазах своих бойцов и инженеров-ремонтников он видел ужас. В таком состоянии они не смогут драться, не смогут прикрывать друг друга и вытаскивать раненых – каждый будет сам за себя, и все перемрут, как мухи – поодиночке.

Нельзя бросать их в бой – нужно перегруппироваться, дать людям прийти в себя, составить план действий… Необходимо вернуться на станцию.

– Стройся! – скомандовал он. – Возвращаемся домой.

Он специально сказал «домой», чтобы хоть немного успокоить перепуганных людей.

– Скорость движения максимально возможная. Вперед!

* * *

Выйдя из камеры, Серега поднялся на платформу. По центральному проходу и между палатками сновали взволнованные люди. Но под впечатлением того, что рассказала ему арестованная девушка, Касарин-младший обратил внимание на царившее на платформе непривычное оживление, только когда на него налетел возбужденный Хорь.

– Видел отца, Серый?! Что там на Маршальской?! Чего он говорит?!

– О чем ты? – растерялся Сергей.

Хорь всплеснул руками.

– Ты что, ничего не знаешь?! – и, прочитав ответ по лицу Сергея, залопотал: – Разведчики с монтерами только что вернулись! Бледные, руки трясутся, в глазах страх! Толком ничего рассказать не могут! Все какую-то живую паутину вспоминают! Ты бы разыскал отца, спросил, что да как.

– А где он?

– Совет собирает. Видно, дело серьезное, раз потребовалось совещание.

Не дослушав Хоря, Сергей направился к шатру.

– Если что узнаешь, расскажи, не тяни! – крикнул Хорь ему в спину.

Когда жизнь в Роще только обустраивалась, Совет Рощи собирался в полном составе чуть ли не каждый день. Для этих целей на станции даже установили на возвышении круглый шатер. Однако со временем, когда жизнь вошла в накатанную колею, заседания Совета стали проходить все реже и реже, а все возникающие вопросы решались в рабочем порядке. Последний раз Совет собирался, когда обсуждался вопрос о вступлении в Союз и заключении договора о военно-экономическом сотрудничестве с Маршальской. Это было пять лет назад. Не используемый по прямому назначению шатер превратился в место проведения торжественных мероприятий. Там регистрировали браки, чествовали ветеранов и награждали отличившихся. В обычное время туда можно было войти совершенно свободно, но сейчас перед ведущей к шатру лестницей стояли двое вооруженных часовых – те самые патрульные, которые поздравляли Сергея с поимкой пробравшейся на станцию воровки.

– Полковник-то чернее тучи вернулся. Никогда его таким не видел, – озабоченно сказал Сереге один из них. – Не знаешь, что случилось?

Тот отрицательно покачал головой и кивнул на шатер.

– Он там?

– Там. Все там, – подтвердили патрульные. – Минут пять как собрались.

– Пропустите. Мне надо попасть на заседание, – потребовал Сергей.

Но на этот раз не сработало.

– Извини, Серж. Твой отец лично приказал: никого из посторонних.

– У меня важные сведения об арестованной! Их необходимо сообщить членам суда, – заупрямился Серега, пытаясь протиснуться мимо стражников – но наталкиваясь на мозолистую ладонь.

– Им сейчас не до нее, – ответил загораживающий проход охранник. – Похоже, у них там покруче дела.

Ничего не оставалось делать. Сергей прошелся из стороны в сторону, обошел вокруг шатра, а когда вернулся ко входу, застал там Хоря и трех его приятелей.

– Ну что, поговорил с отцом?! – бросился к нему Хорь.

Сергей покачал головой.

Хорь недовольно цыкнул сквозь дырку в зубах, но не ушел – остался на месте. Еще через несколько минут к шатру подошли несколько мужчин и женщин. Потом люди стали собираться целыми группами – видно, рассказы вернувшихся с Маршальской разведчиков не на шутку всех взволновали. Вскоре вокруг шатра собралась целая толпа. Сергей заметил среди собравшихся плечистую фигуру Дрона, который что-то настойчиво нашептывал стоящей рядом с ним Лиде. Девушка пыталась отодвинуться от него, но, зажатая со всех сторон людьми, никак не могла это сделать.

Наконец, отодвинув полог шатра, наружу вышел комендант, а следом за ним и остальные члены Совета. Отец Сергея появился последним. Из-за тусклого света лампочек дежурного освещения Сергей не смог рассмотреть выражение его лица, но по резким, порывистым движениям понял, что отец чем-то крайне недоволен. Он и держался в стороне от остальных, из чего можно было заключить, что на своем заседании члены Совета не пришли к единому мнению. Тут заговорил комендант, и Сергей переключился на него.

– Сограждане, – обратился комендант ко всем присутствующим, и от его тона у Сергея похолодело внутри. – Станция Маршальская заражена неизвестным нам

биологически опасным веществом. Ее жители либо покинули станцию, либо погибли. Пока не будет проведена дезактивация и на Маршальской вновь не заработают турбины, мы не сможем восстановить подачу электроэнергии в прежнем объеме. Для экономии жизненно важных ресурсов с этой минуты на станции вводится режим чрезвычайного положения со строго лимитированными нормами выдачи питьевой воды и продуктов питания. Любые нарушения установленных правил будут сурово наказаны.

Сергею показалось, что комендант чего-то недоговаривает. Услышанное нехорошо удивило его, и Серега даже на какое-то время забыл о томящейся в темнице девушке и так и не вспомнил о ней, когда к нему, наконец, подошел протиснувшийся сквозь толпу отец. Он был не просто раздосадован, но и зол и даже не пытался это скрывать.

– Безвольные трусы, – сердито прошептал он себе под нос, но Сергей все равно услышал.

– О ком ты?

Отец метнул хмурый взгляд в спину осаждаемого людьми коменданта и понизил голос:

– О нашем Совете. Решили ограничиться полумерами в надежде, что руководство Союза очистит Маршальскую от заразы и снова запустит остановившиеся турбины. Да потеря энергии, которую Сибирская получала с Маршальской, для Союза не большая беда, разве что Проспект задерет цену – они теперь, считай, монополисты. Только руководство Союза им этого все равно не позволит. А ради нас в Союзе не будут жилы рвать, даже если узнают, что мы тут подыхаем.

– Как же так? – растерялся Сергей. – Ведь мы тоже входим в Союз.

– Входили, пока защищали Маршальскую от монстров. А без Маршальской мы Союзу не нужны. Никто нам не поможет, кроме нас самих. Никто, – повторил отец.

– А что там, на Маршальской? – тоже перейдя на шепот, спросил у него Сергей.

Отец нахмурился еще больше, даже желваки заиграли.

– Черт его знает. Я никогда такого не видел. И никто не видел. Все оплетено какой-то черной паутиной. Только…

Он сделал паузу. Сергею показалось, что отец собирается с духом.

– Она живая. По-настоящему живая, Серега. Когда мы подошли к станции, выбросила в нашу сторону щупальце вот такой толщины. – Отец развел в стороны руки. – Мы едва успели отскочить. Еще бы секунду промедлили, и все, конец! Честно тебе скажу: когда такую жуть увидел, душа в пятки ушла.

– Что же мы можем сделать? – растерялся Сергей.

– Уничтожить эту дрянь, пока она не уничтожила нас.

– Уничтожить? – недоверчиво переспросил Сергей. – Но как?

– Наверняка есть способ. Должен быть! – По тому, как отец произнес последнюю фразу, Сергей понял, что он пытается убедить в этом самого себя.

– Что ж мы теперь… Методом проб и ошибок будем? – отцовскими словами удивился Серега.

– Ты помнишь, комендант Маршальской – бывший моряк. Вот он и вел журнал наподобие корабельного, куда записывал сведения обо всех значимых событиях, я сам видел. Если бы нам удалось заполучить этот журнал, тогда мы, по крайней мере, узнали бы, что произошло у них на станции. Я вызывался отобрать группу добровольцев, чтобы с их помощью добыть его, – мрачным голосом продолжал отец. – А эти, в Совете, не дали. Мол, только зря людей потеряем. Хотел сам пойти, не разрешили. Говорят: во время чрезвычайного положения начальник службы безопасности нужен здесь. Вот когда без света погибнут все наши посадки и начнется голод, поймут, что я был прав. Да боюсь, поздно не было бы!

Он замолчал, потом, видимо, решил, что сгоряча сказал сыну лишнего, и поспешил закончить разговор:

– Ладно. Мне нужно к коменданту. Позже договорим.

* * *

Сразу пробиться к коменданту полковнику не удалось. Едва он шагнул в толпу, как его окружили бойцы станционной дружины. Перебивая друг друга, они что-то говорили ему, Касарин отвечал, порой – довольно резко. Но из-за стоящего на платформе шума Сергей никак не мог разобрать слов. Потом вперед выступил Дрон. Лицо отца нахмурилось – видимо, Дрон говорил ему что-то важное. Сергей подался вперед, чтобы слышать их разговор. В этот момент отец рубанул ладонью воздух и, повысив голос, гневно произнес:

– Нечего с ней церемониться! Немедленно повесить эту дрянь!

Повесить?! Сергей похолодел. Он сразу понял, кого отец имеет в виду. Безжалостный смысл последней фразы оглушил его, но и заставил действовать. Сергей бросился к отцу. Но прежде чем сумел пробраться через ряды дружинников, Дрон вытянулся перед отцом по стойке смирно и молодцевато гаркнул:

– Есть, товарищ полковник!

Потом повернулся к стоящим рядом бойцам и скомандовал:

– Ероха, Босой, за мной! Поможете вздернуть сучку.

– Подождите! Дрон! – крикнул им в спины Сергей. – Нельзя это! Тот нехотя остановился. Вслед за ним притормозили и Ероха с Босым. Но отец, самый близкий и родной ему человек, не понял, что он хотел сказать, и своей следующей фразой лишил Сергея последней надежды:

– Да, ты прав. Все должны видеть, как мы поступаем с ворами. Подготовьте эшафот, а я тем временем соберу народ.

Дружинники, вызвавшиеся быть палачами, с готовностью ринулись выполнять приказание. Сергей бросился было за ними, чтобы остановить, но быстро понял, что силой ничего не изменит, и вернулся к отцу:

– А как же суд, па? Ведь ты сам всегда говорил, что все должно быть по закону?

– При чрезвычайном положении все проще. Мне доложили о преступлении, и я, как председатель суда, принял решение. Или… – отец почувствовал недосказанность и насторожился, – ты не согласен с приговором?

– Не согласен! – твердо ответил Сергей. – Эта девушка пережила такое… Ее нельзя убивать! И если бы ты только поговорил с ней…

– Я не собираюсь разговаривать с ворами! – неожиданно взорвался отец. – Да мерзавка просто наплела тебе с три короба! Небось, поведала слезливую историю о своей горькой судьбе, ты и развесил уши! Она пойдет на любой обман, лишь бы вымолить себе пощаду!

– Она не врала! – покачал головой Сергей. – И ничего не вымаливала, наоборот…

Отец даже не стал его слушать:

– Все! Хватит болтовни! Эта гадина совершила преступление и будет за него повешена!

Отец был будто окружен аурой обжигающей ненависти, и Сергей даже отступил на шаг назад. Глядя в его пышущие гневом глаза, он с ужасом понял, что какие бы слова ни говорил в защиту пленницы, полковник не переменит своего решения.

И это значит… несчастной девушке осталось жить считаные минуты! Сергей сглотнул, словно это его, а не ее собирались повесить. Отец смерил его долгим оценивающим взглядом и, видимо, остался недоволен, потому что промычал себе под нос что-то нечленораздельное, повернулся спиной и быстро зашагал к восточному краю платформы, где дружинники сооружали эшафот для предстоящей казни.

Девушка оказалась права: его разговор с отцом ничего не изменит. Сергей обещал спасти ее, а она… Она в ответ рассмеялась ему в лицо, хотя не сомневалась, что ее скоро казнят. Сергей живо представил, как жаждущие расправы палачи: Дрон или те же Ероха с Босым – его же собственные друзья –

ворвутся в тюремную камеру, выволокут оттуда бедную девушку, а затем убьют под молчаливое одобрение наблюдающей за этим толпы. Его передернуло. Нет! Он никому не позволит издеваться над ней! И хотя еще секунду назад Сергей не мог даже вообразить, как он покажется на глаза девушке, которую пообещал и не смог защитить, сейчас он решительно направился к камере.

Любитель дури куда-то подевался, а дверь камеры оказалась слегка приоткрыта. Нервно стучащее сердце Сергея пропустило очередной удар. Неужели он опоздал?! Но приготовления к казни еще продолжаются, да и зрители только начали собираться! Охваченный волнением, он рванулся к двери. Изнутри доносился шум какой-то возни, но Сергей не обратил на это внимания. Резким рывком он распахнул железную дверь, проскрежетавшую в давно не смазанных ржавых петлях, и уперся взглядом в открывшуюся перед ним безобразную картину.

Девушка лежала на полу и, отчаянно извиваясь, пыталась сбросить с себя навалившегося сверху Дрона, который с остервенением рвал на ней одежду. Она не кричала и не звала на помощь, видимо смирившись с мыслью, что ей уже никто и никогда не поможет. Дрон тоже молчал и лишь натужно сопел от возбуждения. А вокруг на стенах, в свете горящей керосиновой лампы, также молча, боролись их сцепившиеся тени. Борьба теней выглядела равной, но в схватке их обладателей грубая сила и животный инстинкт взяли верх. Дрон схватил девушку за волосы, резко встряхнул и ударил ее головой об пол. Сергей увидел ее исказившееся от боли лицо с разбитыми в кровь губами, а потом, когда Дрон сдвинулся в сторону, маленькую девичью грудь с красными следами от его пальцев, открывшуюся в прорехе разорванной майки.

Не соображая толком, что делает, Сергей бросился на Дрона и со всей силы врезал ему кулаком промеж лопаток. Хватка Дрона сразу ослабла. Он выпустил голову девушки и попытался обернуться, но Сергей не позволил ему этого сделать. Схватив Дрона за шиворот, он оторвал его от распластанной на полу девушки и вышвырнул из камеры наружу.

– Ты что, офонарел?! – бешено взревел Дрон.

– Вон! Вон вали, тварь! – тяжело дыша, заорал Сергей. – Иначе отец об этом узнает, понял?!

Он сказал это в запале, но угроза подействовала – Дрон поднялся на ноги, не помышляя о драке. Он жадно глянул на лишившуюся чувств девушку, лежащую на полу сломанной куклой, потом поднял глаза на Сергея.

– Ну-ну, Серж. Я тебе это еще припомню. Пожалеешь, сопляк, – процедил он сквозь зубы.

– Иди отсюда! – прохрипел Сергей. – Уматывай!

Дрон тут же исчез, и он опустился на колени возле девушки, которая постепенно начала приходить в себя. Она застонала, потом открыла глаза и посмотрела на него, сначала испуганно и настороженно, но через секунду морщины на ее лбу разгладились, а взгляд потеплел.

– Спасибо. Ты… не такой… Ты другой…

Разбитые губы мешали ей говорить. Она поморщилась и вытерла кровь, выступившую в уголке рта. Не в силах вынести ее взгляда, Сергей поспешно отвернулся. В горле застрял ком.

– Не за что меня благодарить. Я ничего не смог для тебя сделать, – через силу выдавил из себя он.

– Я знаю: меня повесят, – с поразительной легкостью закончила за него она. – Мне уже сообщил твой друг.

– Он мне больше не друг!

– Пожалуй, – согласилась она. – Вижу, у тебя из-за меня одни проблемы.

Тон, каким были произнесены эти слова, привел Сергея в замешательство. Но когда он снова взглянул в лицо девушке, удивился еще больше – она улыбалась.

– А ты… – Сергей не нашелся, что сказать. – Ты ненормальная.

Она пожала плечами:

– А по-моему, это ты ненормальный, раз заступаешься за воровку.

Сергей нахмурился, но этим только вызвал у девушки новую улыбку.

– Ну, повесят и повесят, тебе-то какое дело?

– Как ты можешь так говорить?! – Сергей вскочил на ноги и нервно заходил по камере. – Это же неправильно! Несправедливо! Ты должна жить!

Девушка завозилась на полу, приподнялась на локте и села, навалившись спиной на сколоченные нары.

– Скажи, – что-то в ее тоне заставило Сергея остановиться, – а перед этим меня будут пытать?

– Нет.

«Мы не пытаем пленных», – хотел добавить Сергей, но, увидев разорванную футболку пленницы, живо вспомнил, что только что пытался сделать с девушкой Дрон, и закончил фразу уже по-другому:

– Отец этого не допустит.

Девушка сразу повеселела, словно, кроме того, будут ли ее пытать перед казнью или нет, ее больше ничто не беспокоило.

– Не кисни, – сказала она и… Сергею это показалось, или она действительно подмигнула ему. – Да о такой легкой и быстрой смерти можно только мечтать.

– По-твоему, задохнуться в петле – это легкая смерть?!

Она задумалась, словно действительно пыталась представить, каково это, и вдруг сказала:

– Знаешь, я ведь очень боюсь боли. Всегда боялась, а после того раза, когда меня те четверо в туннеле, особенно… Однажды я оказалась среди зрителей на

казни своей напарницы. Ее четвертовали на одной из станций. Мы пробрались туда вдвоем, и она попалась, а я нет. Она не была моей подругой, но даже под пытками не выдала меня, иначе бы меня тоже схватили. И вот я стояла в собравшейся на казнь толпе и смотрела, как ее убивали. Палач привязал ее голую к двум сбитым крест-накрест шпалам и начал рубить широким мясницким топором, а я смотрела на это и думала только о том, чтобы не оказаться на ее месте. Сначала руку – сразу, потом ногу – с двух ударов, потому что в первый раз топор застрял в кости… Палач выковыривал топор из мяса, а вокруг кричали: «Руби! Руби!»… И я тоже кричала, потому что боялась, что, если не буду кричать, все сразу поймут, кто я такая, и меня тоже разрубят на куски.

Она закусила губу и замолчала. Нужно было что-то сказать, но Сергей не знал что, потому что не представлял, как можно утешить приговоренного к казни человека. Так и молчал, пока она снова не заговорила:

– А я ведь никому, кроме тебя, не рассказывала про этот случай. Только еще одной нашей девчонке однажды рассказала, а та взяла и ночью отравилась. Вот так…

Возможно, она собиралась еще что-то сказать, но в этот момент дверь камеры приоткрылась и внутрь просунулась растрепанная голова Ерохи. Он плотоядно зыркнул глазами по сторонам, но, увидев в камере Сергея, растерялся и невнятно пробормотал:

– Пора. Там все уже собрались.

Приговоренная девушка поняла страшный смысл его слов даже раньше Сергея. Она пружинисто поднялась на ноги и, обращаясь к нему, спросила:

– Проводишь меня?

Сергей не смог разжать губ и молча кивнул.

* * *

Они так и шли втроем: девчонка, рядом с ней Серега, а позади – конвоирующий девушку Ероха. Со стороны казалось, будто он конвоирует их обоих, но Сергей

не задумывался о том, как выглядит в глазах других. Он думал только об идущей рядом с ним девушке, которая должна погибнуть. Все его чувства и убеждения противились тому, что должно было произойти, и отзывались в голове раскалывающей болью. Или это сердце стучало в висках, отбивая похоронный набат. Приговоренная девушка шагала спокойно, даже иногда вырывалась вперед, и ему поневоле приходилось ускорять шаг.

На платформе их уже ждали. Не менее трех десятков мужчин и женщин пришли посмотреть на казнь осужденной. Они расположились полукругом за линией расставленных на полу зажженных керосиновых ламп, освещающих небольшой пятачок у края платформы. Среди собравшихся Сергей увидел даже нескольких детей. Его передернуло.

Заметив приближающуюся процессию во главе с приговоренной девушкой, толпа расступилась, освобождая дорогу. В центре освещенного круга обнаружилась поставленная на попа железная бочка, а над ней – веревочная петля, свисающая с горизонтальной потолочной балки. Рядом переминался с ноги на ногу Дрон и, глядя на девушку, довольно улыбался – паскуда!

Воровка без тени робости приблизилась к нему и вошла в освещенный круг. Сергей хотел последовать за ней, но тут из толпы вышел отец, преградив ему дорогу. Судя по выражению отцовского лица, он предпочел бы видеть сына среди со всем согласных зрителей.

– За кражу общественных медикаментов обвиняемая приговаривается к смерти! – торжественно объявил отец.

Точно таким же голосом он зачитывал благодарности отличившимся бойцам, когда вручал им награды. Объявив приговор, он повернулся к Дрону и выразительно кивнул.

Тот только и ждал сигнала. Сейчас же подскочил к девушке и, явно кривляясь перед ней, попросил:

– Позволь твои ручки, милая.

Она послушно протянула ему руки, и он туго связал их приготовленным отрезком веревочного шнура, после чего подтолкнул девушку к бочке:

– Забирайся, тварь.

«Нет!» – мысленно закричал Сергей, но его никто не услышал. Никто, кроме приговоренной девушки. Она обернулась к нему, слегка улыбнулась и… встала на бочку. Сергей судорожно сглотнул. Вот и все. Сейчас она погибнет, а он даже не знает ее имени и уже никогда не узнает. Ее бездыханное тело зароют где-нибудь в восточном туннеле, скорее всего, даже не будут зарывать, а просто оставят на съедение монстрам. И те будут кромсать ее зубами и рвать на куски, как когда-то рвали тело его погибшей матери.

Кто-то цепко ухватил Сергея за руку чуть ниже локтя. Он обернулся – рядом стоял Хорь. Лицо Хоря было бледным, губы тряслись. Неужели он тоже переживает за бедную девушку? Похоже, что так. И ведь Хорь такой не один! Наверняка на станции есть и другие, кто не согласен с приговором, кто не желает смерти попавшей в беду несчастной девушке! Все вместе они могут заставить отца отменить его безжалостный приговор!

Хорь вдруг выпустил руку Сергея и сломя голову бросился прочь. Сергей вздрогнул и обернулся. Дрон как раз набросил на шею девушки петлю и теперь поправлял слегка ослабший узел. В душе Сергея оборвалась туго натянутая струна. Сразу стало ясно, что он уже не успеет никого найти, потому что той, кого он всеми силами хотел защитить, осталось жить последние секунды. Но вместе с этим вдруг пришло понимание того, что нужно сделать. Можно было только удивляться, почему он не сделал этого раньше.

Сергей резко повернулся к отцу.

– Нельзя ее убивать! Она может помочь! Добыть станционный журнал Маршальской! – выпалил он на одном дыхании. – Она же профессиональная воровка! Она может добыть, что угодно!

Что-что, а соображал отец практически мгновенно и так же быстро принимал необходимые решения. Сергей еще не успел закончить фразу, как брови отца уже сдвинулись к переносице, а глаза, наоборот, вспыхнули радостной надеждой.

– Остановить казнь! – скомандовал отец.

Сергей обернулся к спасенной девушке. Она еще не поняла, что будет жить, так и стояла с отсутствующим видом, опустив перед собой связанные руки. И вдруг… сорвалась вниз и забилась в захлестнувшей горло петле, потому что Дрон выбил у нее из-под ног служившую опорой бочку.

Сергей готов был поспорить с кем угодно, что Дрон сделал это нарочно, хотя и отлично слышал приказ отца с требованием отменить казнь. Но сейчас только одно имело значение – как спасти задыхающуюся девушку. Сергей рванулся к ней, одновременно выхватывая из локтевого кармана ее метательный нож. Никто из присутствующих даже не двинулся с места, только Дрон попытался загородить ему дорогу к виселице. Сергей взмахнул ножом, и, если бы Дрон поспешно не отскочил в сторону, он, наверное, ударил бы его. В два прыжка Сергей оказался возле повешенной и резанул ножом по стягивающей ее горло веревке. Остро отточенный клинок не подвел свою владелицу и с первого же удара рассек перекинутый через потолочную балку веревочный шнур. Тело девушки рухнуло вниз. Сергей не успел ее подхватить, и она мешком упала на гранитный пол.

Возможно, она что-то себе сломала при падении. Но осталась жива!

Сергей подскочил к ней, торопливо стащил с шеи затянувшуюся петлю, потом разрезал стягивающую запястья веревку и освободил руки.

– Как ты?! Можешь дышать?! – Он приподнял ее голову, пытаясь заглянуть в закатившиеся глаза.

Она его не поняла и, похоже, даже не услышала. Сначала тяжело закашлялась, а потом ее стошнило.

Рядом с Сергеем неожиданно оказался отец. Хотя, может быть, он уже давно стоял рядом, только Сергей не замечал его. Дрон, напротив, куда-то скрылся. Сергей поднял на отца гневный взгляд.

– Ты видел?! Дрон пытался убить ее, несмотря на твой приказ!

Отец покачал головой.

– Что за чушь! Он просто не расслышал…

– Ты же ясно сказал: «Остановить казнь»! Что тут можно не понять?! – воскликнул Сергей, но отец перебил его.

– Хватит об этом! – нахмурился полковник. Он наклонился к девушке и прорычал: – Ты можешь вскрыть запертый сейф?

– Дай ей прийти в себя! – попросил Сергей.

Но отец поступил иначе. Нагнувшись к девушке, он отвесил ей несколько хлестких пощечин. Как ни странно, это подействовало – она открыла глаза, сначала посмотрела на отца, потом перевела удивленный взгляд на Сергея.

– Ты можешь говорить? – спросил он, а сам подал немой знак: молчи!

Но воровка поступила по-своему: кивнула и прохрипела передавленным горлом:

– Могу.

Касарин-старший, похоже, и не сомневался в таком ответе.

– Нам необходим станционный журнал, который находится в личном сейфе коменданта на Маршальской, – сказал он. – Если ты сможешь добыть его из сейфа и принесешь сюда, тебя помилуют.

– А если нет, снова повесят? – с усмешкой переспросила она. Даже чудом избежав смерти, она продолжала шутить. – Смогу.

– Только… – Она взглянула на свою загаженную и разорванную майку, брезгливо поморщилась и добавила: – Дайте умыться и какую-нибудь одежду.

Отец согласно кивнул и, глядя ей в глаза, сурово сказал:

– И не надейся сбежать. Я тебя одну не отпущу.

Он перевел взгляд на обступивших место казни бойцов станционной дружины. Сергей понял, что это его шанс, и, пока отец не успел назначить провожатого, выступил вперед.

– Я прослежу за ней.

– Нет, – отрезал отец, даже не взглянув на него. Он остановил взгляд на Глебе-Стилете, на счету которого было два заколотых в рукопашной упыря. – Отправишься с ней на Маршальскую – проследишь, чтобы не сбежала.

К удивлению Сергея, Глеб промолчал. Отца это тоже удивило.

– Стилет, приказ ясен?! – повысив голос, спросил он.

Глеб тяжело вздохнул, но так и не успел ответить, потому что из толпы внезапно выскочила его жена – скандальная женщина, которую многие на станции недолюбливали, а некоторые и побаивались.

– А чего это наши мужья должны ради вас рисковать?! – завизжала она. – Сынка-то своего пожалели! А наши мужики, значит, пусть пропадают! Их не жалко!

– Да, дело опасное… – не стал спорить отец.

Но женщина даже не стала его слушать.

– А я вот прямо к коменданту пойду! Он вашего самоуправства не допустит!

У нее за спиной раздались возмущенные возгласы – похоже, у Савельевой нашлись последователи. Дело принимало опасный поворот. Лишенная возможности расправиться с одной жертвой, толпа вполне могла выбрать себе другую. Погасить вспыхнувшие страсти можно было только одним способом – немедленно снять повод для склоки.

Сергей шагнул к отцу, заслонив его спиной от кричащей и размахивающей руками Савельевой.

– Товарищ полковник, если нет других добровольцев, разрешите сопроводить арестованную до Маршальской?

Несколько секунд они оба пристально смотрели в глаза друг другу. Сергею было жаль отца, которого он своим официальным обращением поставил в безвыходную ситуацию, но только так можно было спасти приговоренную к смерти девушку. И отец, в конце концов, сдался.

– Разрешаю, – глухо прозвучал его голос в наступившей на платформе тишине.

Глава 4

Черная паутина

Когда последний сигнальный костер западного блокпоста остался за поворотом туннеля, Сергей, наконец, решился спросить:

– Как себя чувствуешь?

На станции им ни разу не удалось остаться наедине – рядом постоянно кто-то вертелся, и он так и не осмелился поговорить с девушкой откровенно. Сначала ее, по настоянию Сергея и с молчаливого разрешения его отца, отвели в госпитальную палатку, где ее осмотрел молодой дежурный врач, все медицинское образование которого ограничивалось прочтением лекарственного справочника да двух учебников по медицине, найденных сталкерами на поверхности. Результатом этого двухминутного осмотра стал вынесенный врачом вердикт о том, что «пациентка жить будет». Да еще то, что он смазал спиртовой настойкой подорожника (пожалел добытый на поверхности драгоценный йод) ссадины от веревки у нее на шее. Синяки и разбитые губы он вообще не стал принимать в расчет, посчитав и то, и другое мелочью. Впрочем, так оно и было, если разобраться.

Пока шел медосмотр, отец принес комплект сталкерского снаряжения: прорезиненный комбинезон, высокие ботинки и противогаз. Точнее, два комплекта: один бросил на пол перед девушкой, а второй отдал Сергею. Она

развернула комбинезон, внутри которого оказалась еще и старая отцовская майка, молча осмотрела то и другое и тут же, без всякого стеснения, начала переодеваться. Сергей надеялся, что мужчины на это время выйдут из палатки, но никто из них даже не подумал этого сделать. Правда, и врач, и отец смотрели на переодевающуюся девушку совершенно равнодушно, и только он стыдливо опускал глаза, когда видел ее узкую спину с линией выпирающих позвонков, маленькие, задорно торчащие груди и голые ноги. Опускать – опускал, а все-таки не отвернулся.

Когда девушка, наконец, облачилась в комбинезон, который оказался для нее безнадежно велик – ей пришлось подвернуть рукава, а пояс туго затянуть армейским ремнем, отец швырнул ей выпотрошенный рюкзак и найденный там набор воровских отмычек.

– Держи. Это тебе пригодится.

Она ловко поймала на лету и то, и другое, проверила отмычки, сунула их в рюкзак и забросила его за спину.

– Я готова.

Сергея удивило ее бесстрашие. Ах да! Она же не знает, что ждет ее на Маршальской…

Полковник Касарин смерил девушку долгим взглядом, потом повернулся к сыну.

– Пристрели ее, если попытается сбежать, – сурово произнес он, и вдруг его голос изменился. – И… возвращайся.

Отцовский взгляд напомнил Сергею, как смотрела на него мать, когда уходила в свой последний рейд. Сергею даже показалось, что отец хотел сказать не то, что произнес, а совсем другое – то, что не касалось этой девушки, а предназначалось только ему, ему одному. И, отвечая на его невысказанную просьбу, сказал:

– Хорошо, отец.

В горле вдруг запершило, словно они прощались навсегда. Хотя, чего себя обманывать, возможно, это так и есть.

– Получи на складе оружие и снаряжение, любое, какое захочешь. Скажи, я распорядился. Дозиметр, фонари… Отправляйтесь.

Сергею захотелось, чтобы отец сказал ему что-нибудь еще. Но тот больше ничего не сказал, молча повернулся и вышел из палатки.

В оружейке Сергей выбрал в дополнение к своему револьверу – подарку отца на шестнадцатилетие – «калаш» с оптическим прицелом с тремя запасными рожками к нему и свой любимый «отбойник» со штыком для защиты от монстров. Немного подумав, добавил к оружию легкий бронежилет из многослойной армированной ткани с металлической пластиной напротив сердца – еще одно изобретение мастеров-оружейников с Сибирской.

Его напарницу выбранный им арсенал не впечатлил. Хотя, возможно, ей действительно было все равно. Никак не трогали ее и косые взгляды, которые бросали на нее все встречные жители. Похоже, они предпочли бы видеть ее болтающейся в петле. И это несмотря на то, что уже почти все на станции знали о порученном ей наиважнейшем задании! И когда платформа с людьми и освещенный костром западный блокпост остались позади, Сергей испытал облегчение.

Теперь, когда они, наконец, остались одни и ему больше не нужно было изображать бдительного конвоира, он поравнялся с девушкой.

– Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, чем на виселице, – не оборачиваясь к нему, зло ответила воровка.

В общем, она была права. С учетом той опасности, которая ждала ее на Маршальской, ей действительно не за что было его благодарить.

– Подожди, – сказал Сергей. – Да постой же! – Он схватил ее за плечо. – Тебе незачем идти со мной. Возвращайся к себе домой, ну, или где ты живешь. А нашим я скажу, что ты от меня сбежала. Только объясни, как открыть сейф.

Девушка с любопытством уставилась на него:

– Ты это серьезно?

– Конечно. Там, куда мы направляемся, очень опасно. Вся станция затянута какой-то невиданной черной паутиной. Мой отец говорит, что все местные погибли… Уходи. Я все сделаю сам.

Девушка загадочно улыбнулась.

– Ты что, правда думал, что я собиралась туда идти?

– А разве нет? – растерялся Сергей.

На этот раз она рассмеялась уже в полный голос.

– Ну, ты и… – Она покачала головой. – У меня даже слов нет. Да я уже дважды могла нырнуть в боковой туннель! Только бы ты меня и видел!

– И чего ты ждешь?

– Хотела посмотреть, что будет дальше. – Девушка вдруг резко нахмурилась и, отвернувшись в сторону, сердито добавила: – И потом, это еще не поздно сделать.

– Ладно, раз мы во всем разобрались, – вернулся Сергей к начатому разговору, – давай. Вали. Дальше я пойду один.

Она внимательно посмотрела на него:

– Не боишься, что свои тебя накажут?

Сергей пожал плечами.

– Накажут, конечно. Но ведь не расстреляют и не повесят. Переживу, – подражая ей, улыбнулся он. – А если принесу станционный журнал…

– Хрена с два ты его принесешь! – оборвала его она.

Сергей даже растерялся.

– Почему?

– Потому что я больше года училась вскрывать сейфы, и то не уверена, что справлюсь. А у тебя и подавно ничего не выйдет. – Она нахмурилась и вдруг, в очередной раз удивив его, улыбнулась. – Ладно, не кисни. Прогуляюсь с тобой до Маршалки.

– Да зачем это тебе?! – удивился Серега.

Она ничего не ответила, только хмыкнула себе под нос, чем-то напомнив Сергею его отца, повернулась к нему спиной и быстро зашагала вперед.

* * *

Идти становилось все тяжелее. Неожиданно для себя Сергей понял, что начал уставать. Причем это было не физическое утомление – он по-прежнему чувствовал себя полным сил, хотя нес на своих плечах почти пятнадцать килограммов оружия и снаряжения, да и прошли они всего ничего, меньше трети перегона. Усталость была иного рода: психическая или моральная – Сергей никак не мог подобрать точного определения для объяснения своих ощущений. Прежде, на станции, его всегда окружали люди: товарищи, друзья или просто знакомые. Он к этому привык, и сейчас вынужденное одиночество тяготило его. Удивляло и то, что шагавшая впереди девушка все время молчала. Касарин бы с удовольствием заговорил с ней, но никак не мог придумать, с чего начать разговор. В его советах она, похоже, ничуть не нуждалась. Сама, без всякого напоминания, натягивала противогаз и закрывала голову капюшоном при приближении к радиоактивным зонам, каменистые осыпи, образовавшиеся в местах обрушения туннеля, преодолевала уверенно, так же легко и непринужденно обходила провалы и размытые грунтовыми водами глубокие рытвины, встречающиеся на пути.

В конце концов Сергей не выдержал:

– Ты что, уже проходила здесь?

В ответе он отчетливо различил смешок:

– А как, ты думаешь, я попала на вашу станцию?

Он замер, пораженный внезапной догадкой:

– Так ты и на Маршальской была?!

Она тоже остановилась.

– Не на самой станции. Я прошла в обход по обводным туннелям. Еще удивилась, почему там никого нет.

– И не заметила ничего необычного? – не унимался Сергей.

– Только то, что туннели пусты. Даже крыс нет.

«И отряд отца тоже не встретил ни одного монстра», – вспомнил Сергей.

В разговоре с отцом этот факт казался обнадеживающим, но сейчас настораживал.

– Скажи, а если мы не сумеем пройти в лоб, ты сможешь попасть на станцию? – осторожно поинтересовался он.

– Посмотрим, – неопределенно ответила воровка и снова зашагала вперед.

Она оказалась крайне неразговорчивой. Но Сергей не собирался упускать шанс.

– Как тебя зовут?

Девушка стремительно обернулась:

– Зачем это тебе?!

– Как же? – Он даже немного растерялся от ее резкого ответа. – А как мне тебя звать-то?

– Ты же слышал: Гадюка!

Сергей поморщился.

– Это кличка… Оскорбление… и тебе совсем не подходит, – помолчав, добавил он. – А как тебя называл отец?

– Это было давно, в другой жизни!

– И все же?

Она не хотела отвечать, но что-то подсказывало Сергею, что сейчас нужно проявить настойчивость.

– Полина, – едва различимым шепотом ответила девушка, но Сергей все равно услышал.

– Полина, – повторил он. – Очень красивое имя. Мама говорила, с греческого оно переводится…

Касарин не договорил, потому что девушка вдруг резко развернулась к нему и, вцепившись пальцами в высокий воротник его комбинезона, закричала в лицо:

– Полины больше нет! Она умерла четыре года назад вместе со своим отцом! Ясно?! И если ты еще раз назовешь меня этим именем, я убью тебя!

Сергей упрямо покачал головой:

– Нет. Полина жива. Ты просто забыла.

Она рванула его за воротник на себя, чтобы затем ударить головой в лицо. И хотя Сергей просчитал удар, защищаться он не стал. Но удара так и не последовало. В последний момент пальцы девушки разжались, а руки соскользнули с груди спутника. Она отбежала от него и уселась прямо на землю, обхватив голову руками. Сергей приблизился к ней, но, услышав доносящиеся из-под прижатых к лицу ладоней приглушенные рыдания, остановился.

– И откуда ты такой только взялся?! – проговорила она сквозь слезы. – Что ты меня все время грузишь?! Что тебе нужно?!

– Хочу, чтобы ты не забывала, как тебя зовут, – ответил Сергей. – У каждого человека должно быть имя. Это то, что помогает нам оставаться людьми.

Так говорила мать, и сейчас он повторил ее слова. Правда, тут же пожалел об этом, потому что девушка схватила с земли камень и, не глядя, швырнула в него. Не целилась, но попала точно в коленную чашечку. Не сдержавшись, Сергей вскрикнул от боли. Она обернулась к нему, вытерла кулачком выступившие на глазах слезы и сердито сказала:

– Так тебе и надо.

* * *

Каждый шаг приближал их к Маршальской. Так говорила логика. Но логика – это одно, а собственные ощущения – совсем другое. Когда впереди видишь только черное жерло туннеля, засасывающее тебя, как ненасытная глотка какого-то мифического чудовища, поневоле начинаешь сомневаться даже в самых логичных выводах.

Сергей покосился на идущую рядом с ним Полину. Она уже не обгоняла его и не пыталась вырваться вперед, да и выражение ее лица было, скорее, растерянным, чем целеустремленным.

– Может, мы где-то сбились с пути и повернули не туда? – неуверенно предположил Касарин. Хотя отлично знал: никуда они не сворачивали. Вообще! Как вступили в Роще в туннель, так по нему и идут. Впрочем, сейчас он уже ни в чем не был уверен.

Полина неожиданно остановилась. Неужели она тоже так думает? Но, как оказалась, думала она о другом.

– Смотри.

Сергей повернул полученный от отца переносной прожектор в сторону, куда она показывала и куда был направлен узкий луч ее налобного фонаря, но не увидел ничего, кроме кучки мелких костей в щели между сочленением туннельных тюбингов. Он все-таки подошел ближе, но останки, как он и предположил, оказались рассыпавшимися скелетиками обыкновенных крыс.

Сергей пожал плечами:

– Всего лишь крысиные кости, причем дочиста обглоданные. Видно, уже давно здесь лежат.

– Я помню это место. – Полина подняла голову и направила свой налобник на торчащий из стены арматурный прут, загнутый в форме причудливого крючка. – И никаких костей в прошлый раз здесь не было.

– Так, значит… – Сергей осекся.

Кости не появляются сами по себе, но и ни один труп, даже крысиный, не может разложиться до состояния чистого скелета за несколько часов. Разве что кто-то специально принес их сюда и засунул в щель. Но такое представить было еще сложнее.

– Боишься? – спросил он у Полины.

– Боюсь, – сказала она и тут же добавила: – Идем дальше.

Теперь они шли гораздо медленнее, так как перед каждым новым шагом Сергей тщательно ощупывал своды и дно туннеля лучом своего прожектора. И хотя световой луч ни разу не выхватил из темноты ничего настораживающего, все мысли были только о черной паутине. Он представлял ее то узорчатым переплетением толстых и тонких нитей, покрытых каплями липкого яда, то клубком шипастой проволоки, наподобие пережившей ядерную Катастрофу

армейской «колючки», которую в метро активно использовали при строительстве укреплений от мутантов. Но, несмотря на то, что Сергей все время настороженно смотрел по сторонам, а может быть, как раз именно по этой причине, не он, а Полина первая заметила произошедшие впереди изменения.

Она внезапно цепко схватила его за руку, а когда Сергей повернулся к ней, чтобы спросить, что случилось, прижала палец к губам. Касарин сейчас же потянулся к висящему за спиной автомату, но Полина покачала головой и указала вперед, где из темноты (Сергей только сейчас это разглядел) выступали очертания чего-то угловатого, напоминающего станционную платформу. Пока он всматривался в показавшуюся конструкцию, пытаясь понять по ее очертаниям, что же это такое, Полина вдруг выключила свой налобный фонарь, метнулась в сторону и исчезла в темноте. В первый миг Сергей от неожиданности застыл на месте, а потом бежать за девушкой стало уже поздно. Он посветил прожектором из стороны в сторону, но она словно растаяла во мраке. В душе ворохнулась тревога – не за себя, за Полину. Он хотел окликнуть девушку, но, вспомнив ее прижатый к губам палец, промолчал. Так и стоял на месте, светя прожектором перед собой, пока она сама не появилась в луче света. Девушка выглядела растерянной и немного испуганной.

– Там никого нет: ни людей, ни паутины, – объявила она, подойдя вплотную. – Станция пуста. На платформу я не поднималась, но это и так видно.

– А… – начал Сергей, еще не до конца представляя, о чем он хочет спросить.

– Идем. Сам увидишь, – закончила за него Полина.

Вслед за ней Сергей двинулся вперед, но через десяток шагов остановился, вступив ногой в рассыпанную на путях кучу песка. Тут же лежали листы железа и истлевшая, прожженная во многих местах мешковина. Он сразу узнал останки блокпоста. Жители Маршальской никогда всерьез не защищали свои восточные рубежи, надеясь на своих соседей из Рощи. Впрочем, при их разветвленной системе обходных и служебных туннелей с проложенными там водоводами сделать это было практически нереально. С востока жилую платформу прикрывал единственный блокпост, состоящий из уложенных друг на друга мешков с песком, прикрытых с внешней стороны железными листами. Видно, укрепление оказалось ненадежным, раз железные листы вместе с рассыпавшимся песком валялись на путях, а сами мешки превратились в ссохшуюся истлевшую труху. Сергей откинул носком ботинка кусок мешковины –

под ней лежал покореженный автомат без цевья и деревянного приклада. Он даже не сразу узнал знакомое оружие.

– Похоже, здесь был сильный пожар, – предположил он.

Полина с сомнением покачала головой:

– Вряд ли. Железо не закопчено.

Она оказалась права. Кроме истлевшей мешковины, нигде не было видно никаких следов гари.

Сергей посветил прожектором вокруг. В стороне от разрушенного блокпоста, на земле лежал какой-то предмет. Он подошел ближе. Предмет оказался походным ботинком, вроде тех, что сейчас были на ногах у него и у Полины, только без шнурков. Рядом, буквально в метре от первого, лежал второй ботинок. Сергей нагнулся, чтобы поднять его, но едва прикоснулся к ботинку, как тот рассыпался в пыль – в руках Сергея осталась одна потрескавшаяся подметка. Он поднял на девушку изумленный взгляд. Полина стояла рядом, обхватив себя руками за плечи. Встретившись с ним глазами, она зябко поежилась:

– Пойдем отсюда. Мне здесь как-то не по себе.

По-настоящему «не по себе» стало, когда они поднялись на платформу, причем обоим. Полина смертельно побледнела, а у Сергея от ужаса в груди перехватило дыхание. Вокруг лежали человеческие кости. Много костей. Они были повсюду – голые, дочиста обглоданные. Даже не кости, а целые скелеты! Взрослые и детские черепа глядели в никуда пустыми глазницами и скалили в немом крике разинутые рты. Большинство скелетов были абсолютно голыми, но на некоторых сохранились лохмотья истлевшей одежды, вроде той обгоревшей мешковины, которую они с Полиной обнаружили на блокпосту. Тут же лежало и оружие, которое, видимо, никак не помогло своим обладателям. В паре метров от себя, рядом с грудой костей, Сергей увидел автомат с сохранившимся, но изъеденным, словно изжеванная бумага, прикладом, в спусковой скобе которого застряли две оборвавшиеся фаланги указательного пальца. Он судорожно сглотнул, почувствовав, как мысли буквально застывают в его голове. Это выглядело так, словно погибший превратился в скелет раньше, чем выронил оружие из рук.

– О боже! Что же здесь произошло? – прошептала Полина.

Даже от ее шепота Касарин вздрогнул, как ошпаренный. Он вдруг понял, что на станции стоит совершенно непривычная, по настоящему мертвая тишина. Обернувшись, он встретился с глазами девушки, в которых плескался неподдельный ужас.

– Я… не… знаю, – борясь с дрожью в голосе, кое-как шепотом выговорил Сергей. – Я никогда… такого не видел.

– Я тоже, – также шепотом ответила девушка.

Наверняка, ни один человек в метро не видел ничего подобного. Иначе такие рассказы непременно уже дошли бы до Рощи.

Даже воздух этого места казался пропитанным смертью. Словно то ужасное, что забрало жизни всех живших здесь людей и превратило их тела в рассыпающиеся скелеты, незримо присутствовало вокруг. По глазам Полины Сергей понял, что она хочет как можно скорее уйти, даже не уйти, а сбежать отсюда. Он и сам не хотел задерживаться на Маршальской ни одной лишней секунды.

– Забираем журнал и уходим, – скомандовал он.

Полина понимающе кивнула.

Комнату коменданта, расположенную за платформой, на пересечении служебных коридоров, нашли быстро. Во время двух своих визитов на Маршальскую, когда он в качестве добровольного помощника сопровождал отца, Сергей запомнил, где она находится, и сейчас уверенно привел туда Полину. Крупная надпись «КОМЕНДАНТ» над входом, не напечатанная краской по трафарету на железной табличке, как у них в Роще, а набранная отдельными металлическими буквами, подтверждала, что они попали в нужное место.

Входная железная дверь оказалась распахнута настежь, но на самом пороге лежал скрюченный скелет, судя по блеснувшей в свете фонарей золотой цепочке с кулоном на шее – женский. Кто бы ни была эта женщина или, может

быть, девушка: жена коменданта, его дочь или просто одна из жительниц, которая хотела укрыться в комнате коменданта, ей это не удалось. Идущая по пятам смерть все-таки настигла ее, как и всех остальных.

Сергей хотел обойти скелет – почему-то ему не хотелось нарушать покой погибшей женщины, но это оказалось невозможно. Тогда он попытался перешагнуть через него, но сделал это недостаточно ловко и задел ногой выпирающую ключицу. Верхняя часть скелета вместе с черепом и грудной клеткой сдвинулась в сторону, покачнулась и… рассыпалась по полу! Цепочка с кулоном глухо звякнула о бетон. Почему-то Сергей вообразил, что Полина обязательно заберет цепочку себе, – любые украшения очень высокого ценились в метро, а уж украшения из золота вообще стоили баснословно дорого, но она прошла мимо, даже не взглянув на лежащую на полу цепочку, и сразу направилась к сейфу.

Сергей повернул ей вслед луч своего фонаря и невольно вздрогнул, увидев за стоящим возле сейфа письменным столом еще один скелет. В первый миг он подумал, что человек сидел за столом, обреченно дожидаясь смерти, но, подойдя ближе, обнаружил сквозное отверстие в черепе: маленькое и круглое в правом виске и огромное, размером с кулак, в левом, и понял, что покойный сам свел счеты с жизнью. Справа на полу лежал и пистолет, из которого тот застрелился. Сергей сразу узнал оружие, запомнившееся благодаря звучному названию «Глок» и еще потому, что отец как-то сказал, что это очень хорошая модель. Пистолет принадлежал коменданту Маршальской.

По сердцу царапнула когтистая лапа страха. Сергей почувствовал, как у него подкашиваются ноги, а руки ослабли настолько, что он едва не выронил осветительный прожектор. Что за загадочная страшная смерть выкосила всех жителей станции, раз даже ее комендант предпочел добровольно уйти из жизни? Он покосился на Полину: что думает она обо всем увиденном? Но ее, похоже, не интересовало ничего, кроме стоящего в углу сейфа.

Он был гораздо больше тех железных ящиков, что служили сейфами у них в Роще, – настоящий металлический монстр с двойными стенками, которого не смогли бы сдвинуть с места даже несколько взрослых мужчин. Как и откуда он появился на Маршальской, для Сергея осталось загадкой, а спросить об этом у коменданта, когда была такая возможность, он не решился. Тем не менее, Полина уверенно подошла к сейфу, опустилась на колени и, сняв с головы налобный фонарь, долго светила в замочную скважину, разглядывая ее под

разными углами. Потом натянула резинку с фонарем обратно на лоб, вынула из рюкзака свой воровской набор и принялась выбирать оттуда только ей понятные отмычки. Сергей с нетерпением наблюдал за ней.

– Встань сюда, – велела ему Полина.

Сергей молча повиновался.

– Свети на дверь. Не так. Сверху, чтобы не отбрасывать тени.

Пришлось поднять прожектор чуть ли не над головой, но в таком положении руки быстро затекли, и Сергей поставил тяжелый аккумуляторный фонарь себе на плечо. Видимо, Полину это устроило – во всяком случае, новых замечаний от нее не последовало. Она как будто вообще забыла о его существовании. Вооружившись узкой отмычкой, похожей на плоскую пилку, она вставила ее в замочную скважину сейфа, тут же добавила к ней еще одну и принялась по очереди покачивать в разные стороны, то и дело замирая и к чему-то прислушиваясь. За первыми двумя отмычками последовали третья, четвертая, пятая, шестая и так далее. Порой Полина ковыряла в замочной скважине одним крючком, а иногда засовывала туда целых три. В самом замке время от времени что-то скрежетало и щелкало. При каждом таком щелчке Сергей вздрагивал с затаенной надеждой, но Полина, как ни в чем не бывало, продолжала свое занятие. И вот когда он уже окончательно пал духом, она взялась за ручку сейфа, повернула, потом потянула на себя, и… дверца открылась.

Примерно половину сейфа занимали запечатанные коробки с патронами – обменной валютой метро, поверх них лежала пустая пистолетная кобура, в следующем отделении – ворох каких-то бумаг, на верхней полке еще один бумажный листок и… все. Журнала не было!

Касарин бросился к сейфу, едва не затоптав сидящую на коленях девушку, и принялся лихорадочно выгребать наружу его содержимое. Журнал должен был лежать в сейфе! Должен! Но его не было ни на верхней полке, ни на второй среди бумаг, оказавшихся какими-то расчетами и копиями комендантских распоряжений, ни внизу, за безжалостно выброшенными из сейфа пачками патронов.

Сергею хотелось выть от досады, но вместо этого он лишь выдохнул:

– Журнала нет. Все было напрасно.

Полина не ответила. Все так же сидя на коленях, она разглядывала бумажный лист, который спутник выбросил с верхней полки. Сергея внезапно охватила злость, и он выхватил листок у нее из рук. Это оказался какой-то рисунок, даже не рисунок, а карандашный набросок, причем выполненный торопливо и небрежно. Он даже не сразу понял, что там изображено.

Приглядевшись, разобрался, что на рисунке выходное отверстие вентиляционной шахты. А вот свешивающийся из отверстия длинный шлейф, похожий на растрепанную косматую бороду, он видел впервые. Сергей перевернул листок, но на обратной стороне ничего не было. Он недоуменно уставился на Полину.

– Что это такое?

– То, что было в сейфе вместо станционного журнала, – ответила она.

* * *

Назад возвращались молча. Тяжесть увиденного на Маршальской оказалась слишком велика, чтобы еще усугублять ее словами. Поселившийся в душе страх перед неведомым мором, превратившим людей в обглоданные скелеты, гнал Сергея прочь от мертвой станции. Неизвестно о чем думала Полина – она не посвятила его в свои мысли, но так же ходко шагала по туннелю, не отставая от него. Правда, идти ей было, не в пример, легче, чем ему, так как все карманы Сергея, за исключением единственного кармана за пазухой, где сейчас лежал странный рисунок с изображением косматой бороды, свешивающейся из отверстия вентиляционной шахты, оттягивали набитые туда пачки патронов из комендантского сейфа. Мало того, что нести на себе столько патронов было попросту тяжело – при каждом шаге они довольно ощутимо били по ногам. Полина же вообще не взяла себе ничего, хотя несколько пачек патронов или одна золотая цепочка с кулоном могли окупить ее потерянные кеды.

Вспомнив о цепочке, Сергей повернулся к девушке:

– Полина, скажи: ты видела золотую цепочку… там, на пороге комендантской?

Она вздрогнула – еще не привыкла к своему забытому имени – и угрюмо кивнула:

– Видела.

– И не взяла?

Вопрос прозвучал резко и, пожалуй, даже оскорбительно для нее. Но девушка не обиделась.

– Нельзя воровать у мертвых.

«А у живых, значит, можно?!» – удивился Сергей. Странная логика.

– Мертвецы ничего не отдают просто так, – помолчав, негромко объяснила Полина. – Только в обмен на часть твоей жизни.

Сергей изумленно взглянул на девушку, даже сбился с размеренного шага. Он никогда не слышал о такой легенде. Или Полина его просто разыгрывает?

– Это твои «гадюки» тебе рассказали?

– Не важно, кто рассказал, – ответила она. – Главное, что это так и есть. Я видела.

– Что, значит, «видела»? – растерялся Сергей.

Если бы сказала «знаю», это еще можно было как-то понять. Но «видела»!

Полина отозвалась не сразу. Сначала надолго о чем-то задумалась.

– Тебе лучше не знать.

Сергей не стал продолжать расспросы: по резкому тону Полины ясно было, что этот разговор ей неприятен. Зачем раздражать девушку, которой хочешь

нравиться?

Своей скрытностью и неразговорчивостью Полина совсем не походила на девчонок из Рощи, но именно поэтому Сергея и тянуло к ней все больше и больше. Теперь, когда он выяснил, как ее зовут, ему хотелось узнать и о ее жизни: что ей нравится, чем она любит заниматься, есть ли у нее кто-то.

А что было бы, если бы она согласилась на его предложение и ушла, бросив его в туннеле? Хотя чего непонятного? Пришел бы он один на Маршальскую, потоптался возле запертого сейфа, да так и ушел с пустыми руками. Впрочем, и найденный в сейфе непонятный рисунок вряд ли можно было считать каким-то результатом. Даже если на нем изображена та самая паутина, что это добавляет к наблюдениям отца и других разведчиков?

Полина внезапно остановилась. Погруженный в свои мысли, Сергей не заметил этого и по инерции сделал шаг вперед, но она тут же поймала его за руку. Сергей недоуменно оглянулся. Они остановились чуть ли не в середине последнего радиоактивного пятна – освещенная лучом ручного фонаря куча засохшей грязи, принесенной с поверхности просачивающимися в туннель грунтовыми водами, виднелась в двадцати метрах впереди. Фонила она не так уж и сильно, тем не менее, задерживаться здесь не следовало.

– Там… – начал Сергей, указав свободной рукой на радиоактивную кучу.

Но Полина резко оборвала его:

– Молчи!

Он послушно замолчал и сразу услышал нарастающий шорох. Словно песчаная волна, шурша, катилась по туннелю навстречу им. Звук был новым и совершенно необычным. Но на этот раз Сергей не успел испугаться. Не прошло и секунды, как на свет из темноты вылетели крысы. Множество крыс! Десятки, а может, и сотни. Это их маленькие мельтешащие лапки и трущиеся друг о друга тела производили мерзкий шуршащий звук. Не замечая оказавшихся у них на пути людей, крысы промчались по их ногам и так же стремительно скрылись в темноте.

– Кто-то гонит их нам навстречу, – предположил Сергей. – Наверное, где-то впереди монстры пробрались в туннель и спугнули крыс.

Такое уже бывало. Не отличавшиеся разборчивостью зубатые жрали все, до чего в состоянии были добраться, не брезгуя даже произрастающими в сырых и подтопленных туннелях ядовитыми грибами, которые все прочие твари обходили стороной. Поэтому, едва почуяв зубатого, крысы бежали от него без оглядки. Вот только сколько зубатых должно было проникнуть в туннель, чтобы спугнуть такое полчище крыс? Впрочем, сейчас было не до того, чтобы разгадывать подобные загадки.

На всякий случай Сергей снял с плеча дробовик и, выставив его перед собой, двинулся вперед, но едва сделал шаг, как Полина снова схватила его за руку:

– Ты хочешь туда идти?

Ее вопрос удивил Сергея.

– Разумеется, ведь нас ждут на станции. Не бойся, я сумею тебя защитить.

Последняя фраза прозвучала даже увереннее, чем он сам это чувствовал. Приободрившись, Сергей протянул девушке свой автомат:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/moskvin_sergey/uvidet-solnce

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить